

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Л. ШИГАБУТДИНОВА

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Учебное пособие

Казань

2015

УДК 34(091)(075)

ББК 67.0я73

Ш55

Печатается по рекомендации

*Учебно-методической комиссии юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент **В.Р. Шарифуллин;**

кандидат юридических наук, доцент **Л.Т. Бакулина**

Шигабутдинова А.Л.

Ш55 Древнерусское государство и право: учеб. пособие /

А.Л. Шигабутдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 124 с.

В настоящем учебном пособии рассматриваются основные вопросы Древнерусского государства и права, изучение которых дает представление о зарождении российской государственности и правовой системы. Изложенные в учебном пособии материалы призваны содействовать глубокому освоению соответствующей темы учебной дисциплины «История отечественного государства и права».

Книга адресована преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также всем интересующимся вопросами истории отечественного государства и права.

УДК 34(091)(075)

ББК 67.0я73

© Шигабутдинова А.Л., 2015

© Издательство Казанского университета, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА	
§1. Летописный рассказ о возникновении Древнерусского государства. Норманнская теория и антинорманисты.....	6
§ 2. Общественно-политический строй восточных славян до образования Древнерусского государства. Факторы, повлиявшие на возникновение древнерусской государственности	14
ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ	
§1. Общая характеристика процесса классообразования в Древнерусском государстве	25
§2. Феодалы.....	29
§3. Феодално-зависимое население.....	40
§4. Городское население.....	52
§5. Холопы.....	54
ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ	
§1. Государственное устройство.....	58
§2. Форма правления. Органы власти и управления.....	65
ГЛАВА 4. ДРЕВНЕРУССКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО	
§1. Источники права	89
§2. Гражданское право.....	100
§3. Уголовное право.....	106
§4. Суд и процесс.....	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
ЛИТЕРАТУРА	121

ВВЕДЕНИЕ

Проблема Древнерусского государства и права, не раз подвергавшаяся фундаментальным исследованиям, по-прежнему остается в центре внимания отечественной историко-правовой науки. Непреходящий интерес к указанной проблеме не случаен. Древнерусское государство и право являются важнейшими этапами в истории российской государственности и правовой системы, определившими их национальное своеобразие. В этот исторический период зарождаются те институты государственной власти, которые сохраняли свое значение и функционировали (пусть и в модернизированном виде) в русском феодальном обществе на протяжении последующих столетий. Изучение древнерусского феодального права позволяет увидеть процесс генезиса основных юридических конструкций, используемых в том числе и современным российским правом.

Иными словами, обращение к рассматриваемой проблематике дает возможность глубоко и целостно осмыслить основания и проявления преемственности в государственно-правовом развитии России.

Проблема Древнерусского государства и права нашла достаточно широкое освещение в литературе. Ее историография включает работы дореволюционного, советского и постсоветского периода. Так, значительный вклад в разработку учения о древнерусском государстве и праве внесли И.Д. Беляев, М.Ф.Владимирский-Буданов, Б.Д. Греков, Н. Дювернуа, В. Есипов, Н.Загоскин, Н.В. Калачов, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Н. Ланге, В.В. Мавродин, Н.Н.Максимейко, И. Малиновский, П. Мрочек-Дроздовский, М.П. Погодин, А.Е. Пресняков, А. Рейц, Б.А. Рыбаков, М.Б. Свердлов, Д.Я. Самоквасов, В.И.Сергеевич, С.М. Соловьев, М.Н. Тихомиров, Б.Н. Чичерин, И.Ф.Г. Эверс, Л.В. Черепнин, А.Н. Филиппов, И.Я. Фроянов, А.Н. Федорова, Р.Л. Хачатуров, О.И. Чистяков, Я.Н. Щапов, С.В. Юшков и др.

В представленном учебном пособии обобщаются и критически осмысливаются основные выводы, сформулированные в ходе изучения Древнерусского государства и права.

При общей, весьма подробной разработке указанной научной проблемы, юридическое познание не исчерпало всех возможностей в ее изучении. Так, несмотря на существование значительного числа работ, Древнерусскому государству и праву, до настоящего времени еще не достигнуто единства во взглядах по различным аспектам указанной проблемы.

Предлагаемое учебное пособие построено в соответствии с программой учебной дисциплины «История отечественного государства и права» и раскрывает основные вопросы темы «Древнерусское государство и право»: образование Древнерусского государства, общественный строй, государственный строй и древнерусское феодальное право.

Изложенные в настоящем учебном пособии положения, составляя необходимую основу историко-правовой характеристики Древнерусского государства и права, отнюдь не исчерпывают полностью ее содержания. Поскольку учебное пособие призвано дать студенту базовые знания по истории Древнерусского государства, в нем излагается общепринятое, устоявшееся понимание основных аспектов указанной проблемы. Однако по наиболее спорным вопросам Древнерусского государства и права автор знакомит читателя с полемикой, развернувшейся в науке, предоставляя возможность сделать самостоятельные выводы и дополнить научную дискуссию новыми аргументами.

При изучении темы «Древнерусское государство и права» необходимо использовать нормативные источники рассматриваемого периода, знакомится со специальной историко-правовой литературой, с трудами по общей истории и теории государства и права.

ГЛАВА 1. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

§1. Летописный рассказ о возникновении Древнерусского государства. Норманнская теория и антинорманнисты.

Проблема генезиса древнерусской государственности относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной исторической и историко-правовой науке. Подобное положение объясняется как сложностью и многоаспектностью самого предмета познания, так и очевидной политико-практической обусловленностью того или иного подхода к нему. В распоряжении исследователей нет объективных источников, которые позволили бы сделать выводы, претендующие на окончательность и бесспорность. Летописный рассказ «Повести временных лет», являющийся единственным доступным для изучения описанием возникновения Киевского государства, нацелен не столько на достоверное освещение исторических событий, сколько на выполнение запросов политической конъюнктуры.

С.В. Юшков в этой связи писал, что рассматриваемый летописный свод возник в начале XII в., при князе Владимире Мономахе, когда правящая киевская верхушка принимала все меры к тому, чтобы предотвратить начавшийся распад Киевского государства. В этих условиях необходимо было подчеркнуть значение государственного единства, роль единой сильной власти, указав, что при отсутствии этой власти неизбежны междоусобицы. Летописец стремился возвысить правящую династию, показав ее роль в организации Киевского государства. Не менее важной была и характеристика Киева как культурного и политического центра. Кроме того, составитель «Повести временных лет», будучи монахом, естественно, старался показать значение принятия христианства¹.

Иными словами, летописец, не являясь современником описываемых им событий, не мог достоверно воспроизвести процесс становления Киевского государства. Легенда о призвании варягов была лишь призвана подчеркнуть идею

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. - С. 29.

легитимности и социальной необходимости власти правящей династии. Как отмечается, идея этой легенды, выраженная современным языком, сводится к следующему: во-первых, власть князя есть представитель порядка в беспорядке; во-вторых, она установлена по воле самого народа, уставшего от хаоса; в-третьих, она – явление надклассовое, в равной мере необходимое всем членам общества¹.

Согласно упомянутому летописному повествованию, в 859 г. ильменские славяне, кривичи и соседние финские племена, покоренные варягами, вынуждены были платить им дань. Восстав и изгнав завоевателей со своей земли, славяне вовлеклись в междоусобные распри. «...Они почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и воста род на род и быша у них усобице и воевати почаша сами на ся и реша сами в себе: «Поишем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». Решив, что мир и стабильности им может обеспечить приглашение «арбитра» - иноземного князя, в 862г. славяне вместе с финскими племенами направили посольство к варягам. Послы заявили: «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да пойдите княжить и володети нами». Откликнулись на приглашение славян три варяжских князя из племени Русь – Рюрик, Синеус и Трувор. Рюрик занял престол в Новгороде, Синеус – в Белоозере, а Трувор — в Изборске.

После смерти Синеуса и Трувора Рюрик объединил под своей властью ильменских славян, кривичей, полочан, мери, веси, мурому.

В 879 г. Рюрик умер. Ввиду малолетства его сына Игоря правителем стал родственник (или воевода) Рюрика Олег. В 882 г. князь Олег захватил землю полян, сделав Киев центром своего княжения, а затем стал распространять свою власть и на другие славянские племена. Так было образовано единое Киевское государство.

---

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1 Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. – С 12.

Летописное сказание о призвании варягов получило различную научную оценку и породило разноречивость мнений в трактовке вопроса о возникновении Древнерусского государства, за которой достаточно отчетливо выступают две основные линии освещения этой проблемы – так называемые норманнская и антинорманнская теории.

Норманнская теория возникновения Древнерусского государства была разработана в 18 веке немецкими историками, работавшими в Российской Академии наук по приглашению правительства, – Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлецером. Как утверждали норманисты, летопись дает достаточно сведений, позволяющих утверждать, что славяне не достигли такого уровня общественно-экономического развития, который позволил бы им самостоятельно прийти к государственности. Их государственность была привнесена извне – норманнами – северными германцами. Более того, даже название созданного ими государства – «Русь», «Русское государство», – этимологически германское, поскольку происходит от имени варяжского племени Русь.

Следует заметить, что первые русские историки в 18 веке (Татищев, Щербатов и др.) также не оспаривали достоверность летописного рассказа о призвании варягов и реальность описываемых в нем событий, ставя вопрос лишь о национальной принадлежности пришельцев¹.

На первый взгляд, действительно, характер повествования летописи дает основания для подобного вывода. Как замечает С.В. Юшков, сравнивая «Повесть временных лет» с легендами других народов о происхождении их государств, нужно констатировать большой талант ее составителя. Очень трудно в этом рассказе правду отличить от вымысла. Основатели Киевского государства не представляются богами, детьми богов или особыми мифическими существами².

Одна из первых попыток критически осмыслить рассказ летописи и опровергнуть выводы немецких ученых была предпринята в середине 18 века

---

¹ Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. – 1991. - № 6. – С. 3.

² Юшков С.В. Указ. соч. С. 31.

М.В.Ломоносовым, решительно возражавшим против основной мысли норманистов о том, что Русское государство было организовано германцами. Он утверждал, что варяги и Русь – не норманны, а одно из славянских племен, живших на Балтийском побережье (варги). «Если бы Рюрик пришел к славянам из Скандинавии, – писал М.В. Ломоносов, – то скандинавские историки не пропустили бы этого важного случая в своих историях, в которых век Рюрика с довольными обстоятельствами описан»¹.

В 19 веке и начале 20 века антинорманнские взгляды высказывались С.А.Геденовым, Д.И. Иловайским, Д.И. Багалеем, А.А. Шахматовым. Так, Д.И. Иловайский отмечал, что легенда о призвании варягов была создана под влиянием новгородских порядков поздней поры. «Самая легенда о посольстве славянских (т. е. новгородских) послов за море и о призвании варяжских князей, эта легенда, выводившая начало Русского государства из Новгорода – происхождения Новгородского. Свой настоящий вид она получила не ранее второй половины XII или первой XIII века, то есть не ранее той эпохи, когда Новгород достигает значительного развития своих сил. Это было время живых, деятельных сношений с Ганзою, то есть с германскими и скандинавскими побережьями Балтийского моря»².

А.А. Шахматов также показал, что Сказание о призвании варягов это – поздняя вставка, скомбинированная способом искусственного соединения нескольких северорусских преданий, подвергнутых глубокой переработке летописцами. Шахматов увидел преобладание в нем домыслов над мотивами местных преданий о Рюрике в Ладоге, Труворе в Изборске, Синеусе на Белоозере и обнаружил литературное происхождение записи под 862 г., явившейся плодом творчества киевских летописцев второй половины XI – начала XII века³.

---

¹ Цит. по: Самоквасов Д.Я. История русского права. - М., 1899 (тов. тип. А. И. Мамонтова). – С. 141.

² Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. – 1-е изд. – М., 1876 (Тип. Грачева и Ко). - С. 238.

³ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 3.

В 19 веке и в начале 20 века норманисты (М.П. Погодин, В.О. Ключевский, А.А. Куник др.) под натиском нарождающейся концепции антинорманизма, кроме ссылок на летопись, вынуждены были приводить более веские, на их взгляд, доводы, доказывающие заимствованный, вторичный характер русской государственности и норманнское происхождение «Руси».

Так, в литературе анализируются следующие аргументы норманистов:

1. Рассказ Бертинской хроники, описавшей события во Франкском государстве. Как свидетельствует хроника, в 839 г. византийский император Феофил отправил своих послов ко двору императора Людовика Благочестивого, находившемуся в городе Индельгейме. Вместе с его послами ко двору Людовика направились послы Хакана, которые будто бы боялись возвращаться домой прямым путем, опасаясь воинственных и жестоких племен. Послы Хакана называли себя Русью. Они вызвали подозрение со стороны Людовика Благочестивого. Было произведено расследование, и оказалось, что они шведы. Норманисты считают, что этот рассказ подтверждает тождество Руси и шведов.

2. Сообщение Лиутпранда, епископа Кремонского, о том, что к северу от Константинополя жили руссы, называвшиеся норманнами (нордманнами).

3. Рассказ Иоанна Дьякона о том, что на Византию напали в 865 г. норманны. Поскольку около этого времени на Византию нападали, по русским и византийским известиям, руссы, то норманнисты считают, что норманны – это Русь.

4. Сообщение Византийского императора Константина Багрянородного о том, что днепровские пороги носили, с одной стороны русские, а с другой стороны, славянские названия. Русские и славянские названия резко отличаются. Русские названия могут быть объяснены только из норманнских корней. Отсюда норманнисты делают вывод, что русский язык - норманнский язык.

5. Имена первых русских князей и дружинников – норманнские (Рюрик, Синеус, Трувор, Олег и др.).

6. Рассказ арабских писателей о Руси как красивом храбром и воинственном народе, который, по мнению норманнистов, может быть отнесен только к норманнам.

7. Название «Русь» норманнисты считают модификацией финского слова «ruotsi», которое употреблялось для обозначения норманнов¹.

В российской дореволюционной и в советской исторической литературе высказывались суждения, убедительно доказывающие несостоятельность приведенных доводов.

Так, по мнению С.В. Юшкова, рассказ Бертинской хроники отнюдь не является доказательством тождества Руси и шведов. Под Хаканом С.В. Юшков предлагает понимать не шведского короля Гакона, как обычно делали норманисты, а хазарского кагана. Хазарский каган, как это видно из византийских источников, действительно посылал к византийскому императору Феофилу посольство в 838 г., в составе которого могли быть и шведы (норманны), желавшие вернуться домой (в Швецию) не через Восточную Европу, а через западно-европейские страны, по пути, более близкому и более безопасному. В это время норманны делали набеги на берега Франции и Испании. Если бы послы кагана назывались норманнами, они были бы немедленно арестованы как лазутчики. Поэтому они решили назвать себя руссами. Когда же было произведено расследование, в результате которого обнаружилось, что они шведы, а не руссы, их немедленно задержал император Людовик. Таким образом, из рассказа Бертинской хроники вовсе не следует, что Русь – шведы (норманны). Руссов принимали с честью, а шведов немедленно арестовали².

Д.И. Иловайский приводит в этой связи несколько иные соображения: «Противники норманнистов совершенно справедливо указали на существование древнерусского титула хакана или кагана. Так, митрополит Иларион в своем похвальном слове Владимиру Святому называет его коганом. Этот титул встречается и в Слове о Полку Игореве. Ясно, что в Бертинских летописях идет речь о нарицательном хакан, а не о собственном имени Гакон»³.

---

¹ Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. – С.65-66.

² Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. – М., 1947. – С. 67.

³ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 220.

Что касается рассказа Лиутпранда, то, как указывает С.В. Юшков, в нем не говорится о Руси как этнической группе норманнского происхождения. Норманнами Литпранд называет людей, живших к северу от Константинополя, вкладывая в этот термин географический, а не этнический смысл¹.

Д.И. Иловайский в этой связи пишет: «Если же принять слово норманны в смысле скандинавов, то что же выходит? Оказывается что руссы, поселившиеся на Днепре, все еще продолжают называться норманнами или скандинавами, хотя уже прошло сто лет со времени их предполагаемого выхода из Скандинавии. Если же Лаутпранд подразумевал собственно скандинавское происхождение Руси, то кто ему мешал прямо указать на него, а не выражаться неопределенными терминами? Но дело в том, что он говорит только о положении страны. Он прямо помещает руссов в соседство угров, печенегов, хазар и болгар; что совершенно соответствуем положению приднепровской Руси и было бы весьма несогласно с понятием о Скандинавии»².

Рассказ Иоанна Дьякона также прямо не свидетельствует о тождестве норманнов и руссов. Норманны, напавшие на Византию, по словам, Иоанна Дьякона, одержали победу в предпринятом ими походе, тогда как византийские источники сообщают, что напавшие на Византию руссы потерпели значительное поражение.

Равным образом, едва ли можно принять утверждение о финских корнях наименования «русь», поскольку, как установлено советскими историками, народ «рос» известен сирийским и византийским источникам VII в. н. э., вряд ли знавшим какие-либо заимствования из финского языка.

Что касается сообщения Константина Багрянородного о русских и славянских названиях днепровских порогов, то в советской науке предложено следующее его объяснение.

---

¹ Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. – М., 1947. – С. 67.

² Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 224.

Руссы, плавая по Днепру, который являлся одним из звеньев знаменитого международного пути – «из варяг в греки», могли усвоить номенклатуру порогов, которая была распространена среди варягов, проложивших этот путь в Византию и имела, вероятно, международный характер. Кажется вполне естественным, что восточные славяне, втянувшиеся в торговлю позднее, нежели хазары или варяги, должны были пользоваться уже сложившимися географическими названиями. Славянские же названия, по существу, являются старославянскими или болгарскими.¹ Иначе говоря, так называемые русские названия днепровских порогов, действительно, имеют норманнские корни, поскольку восточным славянам не было необходимости вводить собственные².

Наконец, тот факт, что первые князья и их дружинники носили норманнские имена³, вряд ли может означать, что норманнами являются и народ руссы. Исторический опыт многих государств свидетельствует о правлении чужеземцев, поэтому первые князья Руси могли быть норманнами (варягами).

К настоящему времени летописное утверждение о призвании варягов – норманнов как о начальном моменте русской государственности рассматривается не иначе как легенда, подчеркивающая значимость государственной власти как объединяющего и миротворческого начала. Попытки ее научного объяснения, предпринятые норманистами, не увенчались успехом. Им не удалось доказать, что норманны создали русское государство, а не застали уже имевшуюся собственно «русскую» политико-территориальную организацию.

Во-первых, как видно из ранее изложенного, сторонники норманнской теории не представили весомых аргументов, обосновывающих норманнское происхождение «Руси». Современная наука склоняется к предположению о том, что «Русь» – это объединение, имеющее не этническую, а социальную природу. Одним из первых подобную гипотезу выдвинул С.В. Юшков.

---

¹ Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. – М., 1947. – С. 68.

² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства – М.: Госюриздат, 1949. – С. 52.

³ Надо сказать, этот факт также подвергается сомнению в литературе.

Русь – это особая социальная группа, выделившаяся из славянского общества в ходе разложения первобытнообщинного строя и осевшая в городах. Основной контингент этой группы составляли родоплеменная знать славянских племен, крупные купцы, зажиточные ремесленники, порвавшие связь с общинами, дружинники. Наряду с ними Русь могла пополняться маргинальными элементами (общинниками, чьи земли были захвачены крупными землевладельцами, беглыми холопами и т.п.). Города, где оседала Русь, становились основными центрами становления государственности. Причем Русь изначально формировалась как полиэтническая общность – из представителей различных славянских племен и даже иностранцев (в том числе и норманнов), поэтому говорить о ее национальной принадлежности трудно.

Во-вторых, государственность не может быть навязана, привнесена, создана искусственным образом, если в обществе не сложились ее объективные предпосылки. Современные исследователи полагают, что социально-экономическое и политическое развитие восточных славян позволило им прийти к государственности в силу внутренних закономерностей.

§ 2. Общественно-политический строй восточных славян до образования Древнерусского государства. Факторы, повлиявшие на возникновение древнерусской государственности.

Первые письменные упоминания о славянах как коренном населении Восточной и Центральной Европы (территория между Днепром и Одером) встречаются в римских источниках с начала I тысячелетия н.э., в которых славяне фигурируют под именем «венеды». Впервые о венедах говорит римский государственный деятель I в. н.э. Плиний Старший, который называет венедов в числе племен, соседствующих на востоке с группой германских племен – ингвеонами: «...земли до реки Вистулы обитаемы сарматами, венедами, скифами, гиррами». Ингвеоны (ингевоны) занимали побережье Северного моря и низовья Рейна, Везера и Эльбы. Где-то в более восточных областях от них и жили вене-

ды. Скорее всего это были области в бассейне Вислы (Вистулы) и, может быть, более восточные земли¹.

Еще одно сообщение о венетах приводит римский историк I в. н.э. Тацит. Говоря о племенах, живших восточнее германцев, он называет певкинов, венетов и финнов: «Венеты переняли многое от певкинов, ради грабежей рыщут по лесам и горам, какие только существуют между певкинами и финнами»². Как поясняет В.В. Седов, певкины во времена Тацита занимали северную часть Нижнего Подунавья. Финны – финские племена, заселявшие в тот период обширнейшую территорию лесной полосы Восточной Европы от Прибалтики до Урала. Где между финнами и певкинами локализуются венеты, сказать невозможно³.

В источниках IV-VI в. н.э. упоминаются анты – восточная ветвь венетов. Так, по сведениям готского историка Иордана, анты проживали на территории между Днестром и Днестром и к востоку от Днестра: «Анты же... распространяются от Данастра до Данапра [Днепра], там, где Понтийское [Чёрное] море образует излучину».

Рассмотрение социально-политического развития антов позволяет допустить существование у них примитивной государственности⁴.

Как установлено археологами в ходе изучения черняховской культуры, первая половина I тысячелетия н.э. – период разложения первобытнообщинного строя у предков славян и формирования у них классового общества. Если в начале этого периода у славян сохранялась еще родовая община, коллективно

---

¹ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. – М.: Наука, 1979. – С. 22.

² Тацит Корнелий. Сочинения. В 2 т. Т.1. – Л.: Наука, 1970. – С. 372.

³ Седов В.В. Указ. соч. С. 22.

⁴ Необходимо сказать, что решение вопроса об общественно-экономическом и политическом строе антов не может иметь исчерпывающего значения при решении вопроса об общественно-экономическом и политическом строе всего восточного славянства. Дело в том, что анты занимали только часть территории, впоследствии принадлежавшей восточным славянам. Следовательно, значительная часть территории, впоследствии занятая племенами восточного славянства (дреговичами, радимичами, кривичами, вятичами, ильменскими славянами, а возможно, и прикарпатскими племенами), не входила в состав территории антов (Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 39).

владевшая землей, орудиями труда, сельскохозяйственными животными, совместно осуществлявшая управление, то по мере развития производительных сил ее заменяет соседская территориальная община. Переходу от родового быта к территориальной общине способствовало развитие земледелия, в том числе появление пашенного земледелия, специализация ремесла, активная внутренняя и внешняя торговля. Все это ускорило социальную дифференциацию, привело к выделению состоятельных членов общества. Иными словами, в сельской территориальной общине антов наблюдается имущественное расслоение. Как отмечает А.И. Рогожин, «в сельской территориальной общине выделялись отдельные зажиточные семьи, обладавшие определенной собственностью, о чем, в частности, свидетельствуют примитивные ключи от дверных запоров, обнаруженные археологами на черняховских поселениях. Имущественное расслоение антов просматривается и по многочисленнымкладам монет и драгоценных камней»¹.

Кроме того, в византийских источниках отмечается, что у антов существовало и рабовладение, развитие которого было связано главным образом с военными походами и захватом пленников. Так, М.Б. Свердлов приводит следующие данные. О мягких формах эксплуатации рабов у славян Псевдо-Маврикий писал: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, устанавливая [срок рабства] на определенное время, предлагают им на выбор: возвратиться за известный выкуп восвояси или остаться там [где они находятся] на положении свободных и друзей». Прокопий сообщает о пленном византийце, который подавал советы хозяину анту, о рабе анте, служившем с оружием в руках господину склавину, но все же проданном за «большие деньги».

Как полагает, исходя из анализа этих источников М.Б. Свердлов, рабами в антском обществе могли стать только иноплеменники. Они служили господи-

---

¹История государства и права СССР: учебник. Ч.1/ под ред. Ю.П. Титова. - М.: Юрид. лит., 1988. - С. 31.

ну, а при наделении домом и землей платили оброк, однако жизнь раба принадлежала хозяину. Выход из рабского состояния был, вероятно, несложен - раба освобождали или выкупали соплеменники¹.

Таким образом, анты в первой половине I тысячелетия н.э. находились на той стадии общественно-экономического развития, которая предполагает зарождение публичной власти и появление первых протогосударственных образований. В византийских и арабских источниках говорится об антских племенных союзах, возникновение которых прослеживается с V века. Так, византийский историк Менандра пишет, что часть восточных славян – антов около 558 года была объединена под властью одной знатной антской семьи во главе с Межамира. Арабский историк X века Масуди в книге «Золотые луга» сообщает о существовании в VI веке политического союза восточных славян под главенством племени волянян (они же дулебы). Каждое племя, входящее в этот союз, по мнению Масуди, имело своего вождя именуемого царем. Во главе всего объединения стоял вождь племени волянян Маджак². Готский историк Иордан упоминает вождя антов Боже, советниками которого были 70 вельмож, составлявших совет племенного союза.

В то же время в литературе с большой осторожностью говорят о том, можно ли называть эти объединения государством. Как замечает С.В. Юшков, византийские историки, которые исходили из своего представления о государстве (централизованной, бюрократической монархии), говоря об антах, несомненно, преуменьшают степень общественно-экономического и развития антов. Так, Прокопий Кесарийский говорит, что славяне и анты не управляются одним лицом как Византия, но с давних времен живут в демократии; все дела у них решаются на народных собраниях. Исходя из этих сообщений византий-

---

¹ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. – Л.: Наука, 1983. – С. 22.

² История государства и права СССР: учебник. Ч.1 / отв. ред. К.А. Сафроненко. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 138

ских писателей, историки не решаются говорить о государстве антов, называя их объединение племенные союзом.

С.В.Юшков приводит ряд доводов, позволяющих предположить, что объединение антов было уже не племенным союзом, а примитивным государством:

1) Объединение антов существовало на той же территории, где тысячу лет тому назад образовалось скифское государство. Считать объединение антов только военно-политическим союзом, а не государством – значит предполагать наличие какого-то небывалого в истории регресса в общественно-экономическом и политическом развитии народов, живущих на пространстве между Днестром и Днестром.

2) Военные союзы племен бывают кратковременными и непрочными. Объединение же антов является весьма длительным: о вождях антов, т.е. о главах этого объединения, в источниках говорится и в 376 году (Боже), и в 556 году (Мезамире), и в 593 году (Маджаке). С другой стороны, сила и крепость объединения антов были исключительно велики, поскольку антам приходилось вести крайне напряженные войны с весьма сильными врагами (например, с аварами и византийцами).

3) Объединения народов, обитавших на восток от антов, вдали от таких культурных центров, как северное черноморское побережье (например, объединение хазаров), обычно причисляются к государствам и действительно являются государствами. Тем больше оснований поставить вопрос о признании государством антское объединение, включавшее в свой состав народы, прошедшие тысячелетний путь скифской государственности и подвергшиеся весьма сильному воздействию греко-римской культуры.

4) Военный союз племен обычно характеризуется главенством одного племени над другим. В настоящее же время выяснено, что анты не являлись каким-либо командным племенем, игравшим господствующую роль в ряду соседних восточных славянских племен, а составляли целый комплекс восточных

племен. Это говорит о том, что в антском объединении экономические и политические связи были гораздо сильнее, чем обычно бывает в союзах племен¹.

Сказанное позволяет предположить, что задолго до образования Киевского государства, предки славян уже имели опыт государственного строительства.

Документальные сведения об антах не встречаются с 602 г. О причинах исчезновения антов с исторической арены в начале VII в. высказываются различные точки зрения. В частности, в качестве одной из причин упадка антского объединения называют нашествие гуннов.

После распада антского государственного объединения и непосредственно перед образованием Киевского государства в источниках зафиксировано существование множество восточнославянских племен: полян, древлян, волынян, бужан, северян, дреговичей, полочан, кривичей, ильменских славян, вятичей, радимичей.

В этой связи особый интерес представляет вопрос об уровне общественно-экономического и политического развития указанных племен с начала VII в. и до образования Киевского государства. Очевидно, что восточнославянские племена (по крайней мере те, что входили в антское государство) переняли в той или иной степени сельскохозяйственные навыки, культуру, политическую организацию антов. Однако вопрос об общественно-экономическом строе восточного славянства перед образованием Киевского государства долгое время был дискуссионным в науке. Если западники полагали, что восточные славяне знали лишь родовую организацию, то славянофилы создали теорию общинного быта. Леонтовичу принадлежит так называемая задружная теория, согласно которой большая семья – задруга – являлась основной хозяйственной и общественной единицей у восточного славянства.

К настоящему времени установлено, что в VII – VIII вв. патриархальная семейная община у восточных славян переросла в территориальную («вервь» или «мир» – у северных племен). Основным занятием восточных славян явля-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С.38.

лось пашенное земледелие, о чем свидетельствуют археологические находки, изучение языка и религиозных верований славян.

Постепенно территориальная община теряет былую сплоченность, подвергаясь имущественному расслоению. Во многом это связано с отделением ремесла от земледелия, его дальнейшем совершенствовании и специализацией. Ремесленники, сосредотачиваясь в крупных населенных пунктах, отдалялись от сельскохозяйственных работ, предпочитая эксплуатировать обедневших общинников. Равным образом поступали торговцы, занимавшиеся посредничеством между ремесленниками и потребителями их товаров. Торговля, требуя времени и усилий, становилась основным занятием определенной группы людей, использовавших земледельческий труд своих соседей.

Расслоение общины было обусловлено и тем быстрым обогащением, которое приносили многочисленные войны. Захваченные в результате войн товары и рабы оседали в руках незначительной части общины, выделяя ее из массы рядовых общинников.

Таким образом, в недрах общины появляются элементы, обладавшие богатством, захватывавшие общинные земли и эксплуатировавшие своих обедневших соседей. Все это свидетельствует о классовом характере восточнославянского общества. Иными словами, в нем естественным путем сложились социальные предпосылки образования государства.

Одной из политических организаций восточного славянства в этот период остаются племенные союзы. Однако значительная часть объединений восточного славянства приобретает территориальный характер (что видно из их названий – дреговичи, поляне, древляне, волыняне, бужане). Эти объединения были уже не племенными союзами (Волынское и Бужское объединения даже не охватывали всего племени дулебов), а примитивными государствами – «землями», объединявшими различные племена или части племен.

Непосредственными предшественниками Древнерусского государства можно считать три политических центра – государственных образования вос-

точных славян VIII в.: Куябу – земли полян с центром в Киеве, Славию – земля словен с центром в Новгороде и Артанию (исследователя отождествляют Артанию с Тмутараканью, находившейся на берегах Черного моря), о которых говорят арабские источники.

Как видно, процесс становления государственности у восточных славян шел объективным, первичным путем, подчиняясь общим закономерностям социального развития. Поэтому говорить о ее привнесении норманнами вряд ли правильно. Однако в этом случае возникает необходимость объяснить норманнские «корни» правящей династии. По указанному вопросу в отечественной науке сложилось две концепции. Одна из них объясняет присутствие варягов на княжеском престоле прямым захватом норманнами Русского государства. Представители другой концепции (в частности, академик Б.Д. Греков) полагают, что варяжские дружинники могли быть приглашены одной из конкурирующих славянских групп для оказания помощи при захвате княжеского престола. Оказав такую помощь, варяги, вероятно, остались в Русском государстве. Каждая из этих концепций ввиду отсутствия точных и непротиворечивых исторических данных остается лишь гипотезой.

Указывая на объективный характер возникновения древнерусской государственности, необходимо учитывать и принимать во внимание ряд факторов, которые, вне всякого сомнения, влияли на этот процесс.

Во-первых, преемственность внутреннего и внешнего опыта государственного строительства. До возникновения Древнерусского государства на территории проживания предков восточных славян в разное время существовали Скифское государство, государство антов, ранние примитивные государства Куяба, Славия и Артания и др. Кроме того, восточные славяне были окружены сильными иностранными государствами – Византией, Хазарским каганатом и пр.

Во-вторых, Древнерусское государство обладало значительной территорией, увеличивавшейся благодаря завоевательным походам первых князей. Об-

ширные территории требования усложнения и совершенствования механизма управления ими.

В-третьих, в целях защиты территории от внешних врагов создавались мощные фортификационные сооружения: оборонительные линии с крепостями и укрепленными городками вокруг Киева; система пограничных земляных укреплений из длинных извилистых валов и лесных засек; толстые стены и земляные валы вокруг городов. Необходимость управления разнообразными строительными работами и контроля за их выполнением сыграла положительную роль в процессе укрепления государственности в Древней Руси.

В-четвертых, природно-климатические особенности способствовали долгому сохранению на Руси коллективных форм хозяйствования, общинного землепользования и землевладения, что характерно для азиатского типа государственности. Государственность, складывающаяся по азиатскому типу, в отличие от государственности, становление которой идет по западному, европейскому пути, имеет замедленные темпы развития.

Возникшее в IX в. Киевское государство с точки зрения своей социально-классовой сущности было феодальным. Феодальный характер Древнерусского государства обосновывался еще в дореволюционной литературе (в частности, Павловым-Сильванским). В советской, а затем и российской исторической и историко-правовой науке этот факт считается доказанным. Таким образом, отечественная государственность изначально формировалась как феодальная, этап рабовладения, характерный для античности и Древнего Востока, славяне не прошли. При этом в литературе не отрицается наличие рабовладения, как у антов, так и восточных славян более позднего периода.

О существовании рабов в социальной структуре древнерусского общества свидетельствуют и нормативно-правовые акты Древнерусского государства. К примеру, Русская Правда устанавливает, что холоп не является субъектом уголовной ответственности, поскольку он несвободен (ст. 46 Пространной редакции: «зане суть не свободни»); права на имущество, приобретенное холопом,

принадлежат его господину; дети холопов приравниваются к приплоду скота; продажа в холопы рассматривается в качестве последствия умышленного банкротства и т.п.

Между тем рабский труд в Древнерусском государстве, хотя и использовался в определенных сферах, существенной роли в процессе производства все же не играл. Главной производительной силой был крестьянин-общинник. Рабство носило патриархальный характер, т.е. раб, по существу, был бесправным членом семьи своего владельца, выполнявшим самую тяжелую работу в доме.

Незначительная роль рабства в Древней Руси может быть объяснено следующими причинами:

Во-первых, уровень развития производительных сил у восточных славян в период формирования их государственности достиг такого уровня, который требовал заинтересованности работника в эффективном использовании сложных орудий труда. Раб полностью зависимый от господина и не получавший долю от произведенного продукта, был безразличен к увеличению прибыльности, урожайности и т.п.

Во-вторых, у славян существовал крепкий общинный строй, тормозивший развитие рабства.

В-третьих, к моменту образования Древнерусской государственности рабовладельческий строй в других государствах уже изживал себя. Кроме того, нередко были столкновения, в частности, славянского общинного мира и рабовладельческого мира Восточной римской империи.

В-четвертых, природно-климатические условия и географическая среда, обуславливали нерентабельность рабского труда. Как отмечается, условия жизни и работы раба в Восточной Европе заметно отличались от тех, что были в Средиземноморских государствах. В жарком климате раб не нуждается в большом объеме калорийной пищи, нет необходимости возводить для него теплый дом. Иначе обстоит дело на территории Восточной Европы. Раба здесь нужно не только охранять, но и хорошо кормить, иначе он не сможет выполнять тяже-

лую работу. Рабу необходимо представлять хорошую одежду и обувь, для того чтобы он смог работать осенью и зимой. Все это требовало серьезных затрат, поэтому, как отмечается, содержать раба у славян было просто экономически невыгодно¹.

В-пятых, вокруг восточнославянских земель не было обширных заселенных территорий, население которых могло пополнять ряды невольников.

Подводя итог рассмотренным в настоящей главе вопросам, следует заключить, что первые очаги государственности славян зародились задолго до образования Киевского государства. Этому предшествовал длительный период распада первобытнообщинного строя и зарождения классов. Формирование восточнославянского классового общества привело в свою очередь к возникновению Киевского государства. Иными словами, роль варяжских князей, создавших, согласно норманнской теории, Русское государство, вряд ли была столь значительной. Их участие, вероятно, сводилось, к помощи одной из славянских правящих групп в завоевании или удержании власти.

---

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1 Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. – С. 14.

ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

§1. Общая характеристика процесса классовообразования в Древнерусском государстве.

Первые признаки процесса классовообразования в Древнерусском обществе появляются в начале IX века. Указанный временной отрезок именуется в литературе как период формирования феодальных отношений¹, дофеодальный или предфеодальный² период. Теоретически это оправданно тем, что для рассматриваемого этапа «характерно наличие трех борющихся укладов: первобытно-общинного, рабовладельческого и феодального»³.

Хотя уже на данном этапе в славянском обществе очевидно прослеживается возникновение различных групп крупных землевладельцев и групп населения, подвергающегося эксплуатации с их стороны, говорить об объединении их в класс феодалов и феодально-зависимого населения нет оснований. Во-первых, социальный статус групп феодалов и феодально-зависимого населения не был унифицированным. Во-вторых, интересы различных групп феодалов и феодально-зависимого населения во многом не совпадали. В-третьих, правовое положение указанных классов не получило еще своего законодательного закрепления.

Как отмечается в литературе, в период формирования феодальных отношений в Древнерусском государстве основную массу населения составляли лично свободные общинники, именуемые в источниках «люди» или «людин» (в единственном числе). Такой точки зрения придерживался, в частности, Н.М.Карамзин, полагавший, что людьми в Древней Руси «назывались, кроме бояр, все граждане вольные»⁴.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 69

² История отечественного государства и права: учебник. В 2 ч. Ч.1/ под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрайт, 2013. – С. 27.

³ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 85.

⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т.2. – СПб., 1892 (Е.А. Евдокимов). – прим. 67.

К.Н. Бестужев-Рюмин также считал, что под людьми следует понимать все земское население, кроме дружины и, разумеется, князя¹.

По мнению В.И. Сергеевича, люди – это все свободные, независимо от их общественного статуса².

М.Б. Свердлов указывает, что «в договоре 944 г. «все люди Руския земля» указаны после князей и бояр в названии русской договаривающейся стороны, что свидетельствует о более низком по сравнению с князьями и боярами положении «людей», купцов, ремесленников, земледельцев, скотоводов, охотников, независимо от рода занятий, социального положения, пола и возраста, что соответствовало феодальной социальной иерархии в раннесредневековой Европе»³.

Отдельные авторы отождествляют «людей» либо с горожанами (М.Н. Тихомиров) либо с сельским населением (В.В. Мавродин)⁴.

Некоторые авторы уточняют, что термин «люди» имеет несколько смыслов. Так И.Я. Фроянов писал, что «в летописных текстах, рассказывающих о прошлом восточных славян и о Руси времен первых Рюриковичей, слово «люди» покрывает разные понятия: народ вообще (за вычетом одних князей), демократические слои населения и, наконец, «мужей», окружавших князя. При этом термин «люди» в значении «народ» является наиболее распространенным и употребительным, из чего заключаем, что в Киевской Руси X в. социальная дифференциация была еще слабо выраженной»⁵.

В Русской Правде отражено наиболее широкое значение термина «люди» как массы свободного, рядового населения Киевского государства, противопоставляемого княжим мужам. Так, в статье 3 Пространной редакции Русской

---

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т.1. – СПб., 1872 (Типография А. Траншеля). – С.115, 212.

² Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т.1. Территория и население. – СПб., 1890 (типология Н.А.Лебедева). – С. 174.

³ Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 48.

⁴ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М.: Госполитиздат, 1956.- С. 219; Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. – М.: Учпедгиз, 1956. - 264 с.

⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. - С. 121.

Правды, в которой четко дифференцируется уголовная ответственность за убийство людина (вира – 40 гривен) и княжа мужа (вира – 80 гривен). В то время как убийство смерда, т.е. феодально-зависимого человека, и холопа наказывалось уроком в 5 гривен.

При этом вряд ли правильно отождествление «людей» исключительно с сельским либо городским населением. Можно предположить универсальность этого термина, равно применимого и к горожанам, и к жителям деревень. В пользу такого вывода говорят сочетания «вятские люди», «черные люди», «добрые люди» и т.п., в которых термин «люди» несет нейтральный социальный смысл.

Организационной основой социальной жизни древнерусского общества был общинный уклад. Сельское население объединялось в соседскую общину – мир. Как полагает, С.В. Юшков, такая община в свою очередь складывалась из вервей, «больших семей» или семейных общин, и из индивидуальных патриархальных семей, выделившихся из семейных общин. В обоснование семейного характера верви указанный автор ссылается на тот факт, что верви предоставлялась рассрочка при платеже виры. Это может свидетельствовать о небольшой численности ее состава, в силу которого вервь не могла заплатить штраф единовременно.

С иных позиций подходят к рассмотрению верви Б.Д. Греков и М.Б.Свердлов, считая вервь соседской общиной¹. Б.Д. Греков, указывая, что вервь как соседская община состояла из малых семей, ссылался на наличие малых домов на территории общины.

Русская Правда упоминает вервь в качестве субъекта коллективной уголовной ответственности. Община обязывалась выплачивать уголовный штраф за убийство, произошедшее на ее территории в случае, если виновный неизвестен или вервь отказывается его выдавать. Формулировка статьи, подчеркиваю-

---

¹ Греков Б.Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – С. 47; Свердлов М.Б. Указ. соч. С.104.

щая общность территории верви, на наш взгляд, говорит о соседских, а не родственных связях членов общины. В этой связи, следует признать правоту авторов, обосновывающих соседский характер верви.

Уже в рассматриваемый период община подвергается разложению. Из нее выделяются наиболее зажиточные элементы, захватывающие земельные участки своих соседей. Последние, будучи лишенными средств существования, вынуждены были заключать договоры займа с состоятельными людьми, попадая в к ним зависимость. Закабалаемые таким образом общинники назывались закупами. Хотя правовой институт закупничества получил правовое оформление только в XII в., его зарождение относят к IX в.

В IX в. в Древнерусском государстве отмечается рост крупного землевладения, свидетельствующего о развитии феодальных отношений. Исторически первыми и наиболее крупными землевладельцами были князья, которым принадлежали села и города, снабжавшие княжеский двор и его дружину необходимыми продуктами питания, лошадьми и т.п. С.В. Юшков приводит следующие сведения о княжеском землевладении. Летопись начинает говорить о княжеских селах и о княжеских угодьях с середины X в.: «И иде Вольга по Дервстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки; (и) суть становища ее и ловища...».

«В лето 6455, иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе, оброки и дани, (и) ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по «Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе».

Летопись говорит также, что Ольга «владела и своим городом - Вышгородом («Бе бо Вышгород град Вользин»).

Вне всякого сомнения, – пишет С.В. Юшков, – не только Ольга, но Игорь и Олег, а равным образом и Святослав должны были владеть селами и другими угодьями. Во всяком случае преемник Святослава - Владимир, по данным летописи, владел селами и городами. Княжеские села и города в IX -были зачатками

княжеского домена, который мог окончательно оформиться в результате экспроприации земель у свободных общинников¹.

Кроме князей в IX-X вв. в Древнерусском государстве формируются и иные группы крупных землевладельцев. Это упомянутые выше зажиточные общинники, представители местной родоплеменной знати, а также княжеские слуги и дружинники. Уже в этот период указанные группы лиц нередко называются в источниках боярами.

§2. Феодалы.

К концу X и началу XI в. с развитием в Древнерусском государстве крупного землевладения класс феодалов получает свое окончательное оформление и юридическое закрепление.

Класс феодалов складывался из следующих социальных групп древнерусского общества:

Во-первых, представителей родоплеменной знати;

Во-вторых, состоятельных общинников, захвативших землю своих соседей и эксплуатирующих их;

В-третьих, князей, влиятельных княжеских дружинников, получивших землю за службу;

В-четвертых, городских людей (зжиточных купцов и разбогатевших ремесленников);

В-пятых, с принятием христианства – высокопоставленных служителей церкви.

Процесс объединения различных социальных групп в единый класс феодалов характеризуется следующими основными моментами:

- 1) консолидацией всех этих крупных землевладельцев в один класс;
- 2) постепенным втягиванием их в отношения вассалитета и министриалитета;

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 90-91.

3) постепенным оформлением класса в правовом отношении, закреплении за ним особых привилегий.

В процессе своего образования класс феодалов получает особое название – бояре¹.

Термин «бояре» не получил в исторической науке единообразного толкования. Так, дискуссионным является вопрос о том, какие из социальных групп, входящих в класс феодалов, обозначались названным термином.

Одни авторы утверждают, что боярство имеет служилое происхождение. Так, М.П. Погодин и С.М. Соловьев полагали, что термином «бояре» охватывались члены княжеской дружины.

В советский период сходной точки зрения придерживался И.Я. Фроянов, указывающий, что «именно должностная, служебная роль бояр, возглавлявших древнерусское общество в качестве руководящей силы, являлась главным признаком, свойственным этой социальной категории Руси XI-XII вв. Следовательно, бояре предстают перед нами прежде всего как лидеры, управляющие обществом, т.е. выполняющие известные общепольные функции. Не исключено, что в этом амплуа они сменили родо-племенную знать, сошедшую с исторической сцены в результате падения родового строя и возникновения новой социальной организации»².

Как подчеркивает названный автор, «не подлежит никакому сомнению причастность бояр к дружине. Они входили в дружинный союз, образуя верхний его слой, именуемый нередко в источниках, как мы замечали, «лучшей», «старейшей», «передней», «большей» дружиной. Бояре – неперенные спутники князей, их постоянное окружение. Летописи пестрят рассказами о князьях, находящихся в боярской компании при самых различных жизненных ситуациях, общественных и бытовых. Старая традиция думы князя с дружиной была основополагающей в отношениях князя с боярством. Что бы князь ни затевал,

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 241.

² Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 80

он всегда должен был «явить» свой замысел служившим ему боярам, рискуя в противном случае лишиться боярской поддержки, что грозило неудачей. Конечно, князья иногда пренебрегали советом с боярами. Но такие факты оценивались современниками как аномалия. Позиция бояр часто предопределяла поведение князя»¹.

Подобный подход к интерпретации боярства выявил ряд противоречий и вызвал справедливые возражения. Его обстоятельная и в целом убедительная критика в советской исторической науке была дана С.В. Юшковым, М.Д.Свердловым и рядом других авторов, рассматривавших боярство прежде всего как местную землевладельческую знать, которая сливалась со служилой знатью.

Представление о боярах как о категории населения, образованной из представителей различных социальных групп, было сформулировано еще в до-революционной литературе. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов различал, во-первых, бояр из лучших людей каждой земли, а, во-вторых, бояр из высших членов княжеского двора – дружинников². Как поясняет указанный автор, «лучшие люди правильно (хотя и искусственно) называются земскими боярами (в противоположность боярам княжеским). Летопись именует их и другими терминами, а именно: «нарочитые люди», «старейшины градские» и «людские». Этот класс везде образуется из людей высших по родовому старшинству (происхождению, отчего члены его и называются старейшинами), по власти в своем обществе (члены его «держат землю») и, наконец, по высшей экономической состоятельности (термин «лучшие люди» в след. периоде означает людей более богатых)»³.

С.В. Юшков, разделяя в целом позицию М.Ф. Владимирского-Буданова, приводит дополнительные аргументы, ясно указывающие, что имеются бояре

---

¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 81.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Киев, 1905(типография Высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнерева и Ко). - С. 26.

³ Там же. С. 27.

князя и так называемые «земские» бояре. Так, как отмечается, после поражения, нанесенного Ярославу соединенными силами Святополка и Болеслава, Ярослав «убежа с 4-ми мужи Новгороду», т.е., потеряв всю свою дружину и, следовательно, своих бояр. Но летописец рассказывает, что «Новгородыщи расekoша лодье Ярославле рекуще: «хочем ся и еще бити с Болеславом и Святополкомъ». Начаша скот събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Ясно, что бояре, с которых собирали по 18 гривен, не княжеские бояре (их в данный момент у Ярослава, потерявшего всю дружину, не было), а бояре новгородские, находившиеся вне дружинной организации¹.

М.Б. Свердлов в этой связи пишет, что использование термина «боярин» для обозначения представителей высшей знати, а также широкого круга землевладельцев подтверждается выражением «вышегородские болярыце», содержащимся в летописи 30-х гг. XI в. Летописец, рассказывая о недавних для него событиях 1015 г., именовал боярами не высшую киевскую знать, а более низких по положению местных феодалов².

Таким образом, в настоящее время фактически общепризнано понимание бояр в качестве крупных землевладельцев (феодалов), в независимости от того, принадлежали ли они к княжеской дружине или же находились вне княжеской организации.

Учитывая, что члены княжеской дружины составляли значительную часть класса феодалов, особый интерес вызывает структура, функции дружины, а также процесс ее преобразования в землевладельческую знать. Указанный вопрос подробно исследовался как в дореволюционной, так и в советской литературе.

Представители дореволюционной историографии, в частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, видели в дружине членов двора – слуг князя, делившихся в зависимости от положения на младшую и старшую дружину³.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 242.

² Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 42

³ Владимирский-Буданов. Указ. соч. С. 29.

А.Н. Филиппов в Учебнике истории русского права (1912 г.) писал «подобно тому, как в самом обществе данного времени замечается деление на людей лучших, больших, земских бояр, и на людей младших, или меньших (смердов), дружина древнего князя также разделялась на две части: первую часть, под наименованием старшей дружины, составляли бояре, или мужи; в отличие от земских бояр, и мужей они назывались княжими мужами и боярами, причем первоначально старшие дружинники чаще всего назывались княжими мужами; с конца XI века, однако, они уже почти постоянно называются боярами. Младшие дружинники носили наименование отроков, детских, гриден и др. Первые два наименования лишь раздельно выражают то понятие, какое изображается словами «молодь», «молодший», употребляемыми нередко для обозначения вообще младших, т.е., более молодых (и менее выдвинувшихся, по своей службе), дружинников, чем бояре и мужи, члены старшей дружины; слово «гридь» производится от слова «гридница», комната, дом: гриди, как и отроки с детскими, часто были домашними слугами князя и жили в его княжеских покоях. Вся дружина в целом своем составе являлась войском князя; верхний же ее слой – старшая дружина - входит, как известно, в состав т.н. «Княжеской Думы», личного совета князя, или при князе. Затем старшие дружинники, бояре, являлись начальниками княжеских отрядов, младшие же – в мирное время были слугами при дворе князя и занимали низшие должности, а во время войны входили в состав тех же княжеских отрядов»¹.

В советский период С.В. Юшков детально проанализировал процесс разложения дружины и превращения ее членов в феодалов. Признаки начавшегося разложения дружины указанный автор видит, во-первых, в неопределенности, неконкретности содержания термина «дружина», охватывающего вооруженные отряды либо войско в целом; во-вторых, в местном, территориальном, а не личном (дружина Игоря, Святослава), как прежде, характере дружины².

---

¹ Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Часть 1. - Юрьев, 1912 (типография К. Маттисена). – С.204

² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 243, 244.

Дружинники, являясь наиболее близким князю окружением, изначально были связаны с ним единой судьбой, общим бытом. Как замечал в этой связи А.Н. Филиппов, «без дружины немыслим князь древнего периода нашей истории, как и вождь древних германцев. Тот и другой живут с нею в близких товарищеских отношениях, разделяют с ней и радость и горе»¹.

Разложение дружинных отношений связывается с предоставлением дружинникам земельных наделов, с возрастанием их хозяйственной самостоятельности. Наиболее влиятельные дружинники – бояре, получавшие в качестве вознаграждения за службу землю, оседали на ней, отрывались от княжеского двора, сохраняя лишь служебные отношения с князем. Так, по словам Б.А. Романова, в XI-XII вв. «дружина терпит вместе с князем, рискует вместе с ним, выигрывает и продвигается вместе. А живет она с ним уже не «на едином хлебе», а в своих домах, владеет своими селами, куда и ездит «на свое орудие», по своим хозяйственным делам, как и сами князья»².

Со временем обосновываются в своих владениях не только бояре, но и те дружинные элементы, которые стояли между боярами и гридьбой, а также младшая дружина, состоявшая из личных слуг князя и его телохранителей. Хотя младшая дружина в силу характера своих обязанностей ближе всех стояла к князю и дольше всех находилась в личных (собственно дружинных) отношениях с ним, в конце концов и она могла отрываться от князя.

По мере роста дружинного (прежде всего боярского) землевладения, расширения географии боярских наделов, связь дружины и князя приобретает новый характер - характер вассальных отношений, присущий развитому феодальному строю. Вассальные отношения отличаются следующими чертами:

Во-первых, свободный, договорный характер службы вассала. Вассал имел право отказаться от службы князю. Причем отказ был возможен не только со стороны отдельных вассалов, но и со стороны группы бояр. В качестве при-

---

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 204.

² Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI-XIII вв. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1947. – С. 163.

мера коллективного отречения от службы С.В. Юшков приводит случай с отказом бояр князя Владимира Мстиславича, задумавшего нападение на киевского князя Мстислава, вопреки их совету. «И рекоша к нему дружина его: «о себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе».

Из этого рассказа видно, что Владимир Мстиславич не усмотрел здесь нарушения условий соглашения о вассалитете. Летопись говорит, что Владимир Мстиславич после отказа бояр не стал ни упрашивать их, ни упрекать, он ограничился только тем, что сказал: «возрех децкы: а се будут мои бояре»¹.

В свою очередь и князь мог отстранить вассала от исполнения обязанностей.

Во-вторых, специализация службы вассалов. Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что бояре несли военную службу, а также участвовали в работе княжеского совета.

В-третьих, служба была возмездной. Бояре получали за свою службу вознаграждение. С одной стороны, это так называемый корм – содержание бояр, занимавших должности в княжеской администрации, с другой стороны, иммунитеты – освобождение от податей и от подсудности княжеским судьям.

Развитие феодальных отношений в Древнерусском государстве приводит не только к разложению дружины и появлению боярского вассалитета, но и обуславливает образование еще одной служилой категории населения – министриалов. Министриалитет (термин характерен западноевропейским странам) подразумевает формирование из числа членов дружины контингента дворцовых слуг.

В Древнерусском государстве, как указывалось выше, в ранний период его существования функции дворцовых слуг осуществлялись представителями так называемой младшей дружины – отроками, детскими и прочими. Но по мере отъезда их в собственные земельные владения, стала возникать особая прослойка княжеских слуг, набиравшихся, главным образом, из княжеских холо-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 249

пов. Расширение княжеского домена приводит к увеличению числа дворцовых слуг и дифференциации их должностей. Так, в источниках упоминаются огнищане (огнищные тиуны), конюшие тиуны, княжеские тиуны, княжеские отроки, кормильцы, кормилицы, мечники, рядовичи и прочие.

По мере усложнения деятельности по управлению княжеским хозяйством укреплялось и социальное положение дворцовых слуг. Дворцовые должности вырастают в дворцовые чины. Иными словами, лица, занимавшие дворцовые должности, становятся главами целых отраслей управления, возвышаясь до степени сановитых бояр. Особенно возвысились должности воеводы, дворского, стольника, чашника и т. д. Постепенно верхушка дворцовых слуг срасталась с верхушкой боярства. Остальной контингент получил в конце концов название дворян¹.

Характеризуя правовой статус феодалов, следует заметить, что их привилегированное положение отчетливо проявляется при анализе норм Русской Правды. Так, ряд статей Краткой редакции устанавливают повышенную ответственность за убийство княжеских слуг: «Аще убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убищи, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен» (ст. 19). «А в княжи тивуне 80 гривен» (ст. 22). «А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убили Дорогобудьци» (ст. 23). При этом убийство смерда наказывается значительно мягче: «А в смерде и в хо(ло)пе 19 5 гривен» (ст. 26).

Кроме того, феодалы обладали преимуществом перед иными категориями населения и в вопросах наследования по закону. Так, нормы Пространной редакции устанавливают право наследования дочерей бояр и дружинников при отсутствии у них сыновей. Тогда как имущество смерда, не имевшего сыновей, считалось выморочным и переходило князю: «Аже смерд умереть, то задницю князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им» (ст. 90). Аже в боярех либо в дружине, то за князя задниця не идет; но оже не будеть сынов, а дщери возмутъ» (ст. 91).

---

¹ Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. С.105.

Ряд норм, свидетельствующих о господствующем положении феодалов, содержится и в Уставе князя Ярослава о церковных судах. К примеру, согласно статье 2 Пространной редакции Устава, предусматривается различное наказание за похищение женщины, в зависимости от ее социальной принадлежности: «Аще кто умчить девку или насилить, аще боярская дочи будеть, за сором ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; аще будеть менших бояр, гривна злата ей, а митрополиту гривна злата; а добрых людей будеть, за сором рубль, а митрополиту рубль; на умышех по 60 митрополиту, а князь их казнить».

Аналогичные правила устанавливаются в статьях 3 Устава применительно к изнасилованию женщины: «Аще кто пошибаеть боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; а меньших бояр – гривна злата, а митрополиту – гривна злата; нарочитых людей – два рубля, а митрополиту два рубля; простыи чади – 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитель», и в статье 4 Устава применительно к избиению женщины: «Аще же пустить боярин жену великих бояр, за сором ей 300 гривен, а митрополиту 5 гривен злата, а менших бояр гривна злата, а митрополиту гривна злата; а нарочитых людий 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; простои чади 12 гривен, а митрополиту 12 гривен, а князь казнить».

Однако главной привилегией бояр, по общему признанию, является право владения землей и вытекающие из него широкие полномочия в области суда и управления зависимым населением.

Следующей социальной группой, примыкавшей к классу феодалов, было христианское духовенство. В восточной (православной) ветви христианства духовенство делится на черное (монашествующее) и белое. Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемый период духовенство не представляло собой замкнутого и наследственного сословия, поскольку вступить в него могли представители различных социальных групп. Вместе с тем несмотря на отсутствие юридических оснований наследственности духовного сана, фактические предпосылки для ограничения вхождения в состав духовенства существовали

уже в Киевском государстве. Как замечает в этой связи, С.В. Юшков, поступление в клир предполагало грамотность, поэтому чаще всего грамотными людьми на Руси были именно дети духовенства¹. Иными словами, духовенство как социальная группа пополнялось главным образом за счет детей священников.

Правовое положение православной церкви как особого субъекта права и духовенства регулировалось целым рядом специальных актов.

Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Данный устав определяет:

- церковную десятину во всей русской земли, от княжеского суда, от торговых пошлин, от княжих домов, стад, урожаев с княжеских полей и пр.;

- юрисдикцию церковных судов, к которой были отнесены все дела, связанные с нарушением церковных правил, и наследственные дела: «ропусты, смильное, заставание, умыкание, пошибание, промежи мужем и женою о животе, или о племени, или о сватовстве поимутся, ведство, урекание, узлы, зелье, еретичество, зубоядение, иже отца и мать бьют, или сын и дочи бьются, иже истяжутся о заднищи»;

- полномочия епископа по надзору за торговыми весами и мерами и право на соответствующие доходы;

- круг лиц, подведомственных церкви и епископам: «игумен, игумения, (поп, попадьа), поповичеве, чернец, черница, дьякон, дьяконова, проскурница, пономарь, вдовица, калика, стороник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк, и вси причетники церковнии».

Устав князя Ярослава о церковных судах. Этот Устав «был издан Ярославом на основании устава Владимира, но Ярослав, вместо десятины от всех княжеских судов, определяет на духовенство только известные случаи княжеского суда с точным указанием, сколько пени от известной вины получать епископу; в судах же чисто церковных назначение пени предоставлялось самому епископу»².

---

¹Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 257.

²Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. - М., 1879 (типо-литография С.А.Петровского и Н.П.Панина). - С. 87.

Ряд уставов носит частный характер: Устав Мстислава Великого, два устава Всеволода Мстиславича, Устав Ростислава Смоленского и Устав Святослава Новгородского. Названные Уставы определяют положение отдельных монастырей и церквей.

Так, Устав Мстислава Владимировича 1128 года предоставляет Юрьеву, новгородскому монастырю волость Буец с данью, вирами и продажами, а также осеннее полюдье.

Устав Всеволода Мстиславича (1132-1135) передает Новгородской церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках ивановскую купеческую общину, а также устанавливает в пользу церкви воцаной вес (т.е. доход от взвешивания воска) в Новгороде и половину воцаного веса в Торжке.

Еще один Устав Всеволода Мстиславича о церковных судах, людях и мерах торговых на основании положений устава Владимира устанавливает десятину и определяет церковную юрисдикцию для Софийского собора в Новгороде.

Устав князя Ростислава Мстиславича Смоленского (1125-1159) предусматривает круг дел, подлежащих епископскому суду, и перечень княжеских доходов, десятина с которых должна идти церкви. Из этих доходов исключались продажа, вира и полюдье. Кроме того, в этом уставе князь передавал церкви несколько сел, озер, лугов и ряд других объектов недвижимости.

Устав Новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 года, данный новгородскому Софийскому собору, устанавливает вместо десятины от вир и продаж, фиксированную сумму 100 гривен «от вир и продаж», которую выдает домажирич (сборщик податей). Если необходимая сумма у домажирича не наберется, то разница выплачивается из княжеской казны.

Как видно из этих уставов, духовенство пользовалось значительными феодальными привилегиями: предусматривается церковное и монастырское землевладение, устанавливается особая церковная юрисдикция, предполагающая изъятие духовенства из подсудности общих княжеских судов, податной иммунитет, т.е. освобождение от податей, вводится церковная десятина.

§3. Феодално-зависимое население.

Развитие феодальных отношений в Древнерусском государстве, сопровождаемое появлением крупного землевладения и юридическим оформлением класса феодалов, приводило, с одной стороны, к усилению эксплуатации и закабалению свободных общинников, а, с другой стороны, к превращению холопов в феодално-зависимых людей. Таким образом, в структуре древнерусского общества формировался новый класс феодално-зависимого населения.

Вместе с тем, следует учесть, что часть населения по-прежнему оставалась свободной от феодальной эксплуатации. Как замечает С.В. Юшков, «несомненно, существовали еще такие места, куда по тем или иным причинам не могли проникнуть княжеские агенты. К тому же существовали, несомненно, и такие элементы, которые не были связаны с земледелием, например жившие лесными промыслами или рыболовством, и которые не могли быть превращены в феодално-зависимое сельское население»¹.

Вероятно, незакабаленные, свободные общинники, также как и в IX веке назывались «людьми». По крайней мере, ряд норм Пространной редакции Русской Правды использует этот термин. Так, в статье 3 устанавливается вира в 40 гривен за убийство свободного общинника: «Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, в чьей же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен». Иначе говоря, жизнь свободного крестьянства, равно как и жизнь свободных людей, охранялась нормальной вирой (в отличие от смердов и холопов, убийство которых наказывалось 5 гривнами). Статья 8, говоря об уплате дикой виры, также называет общинников «людье»: «Аже кто не вложиться в дикую виру, тому людье не помагають, но сам платить».

Свободное сельское население или платило дань князю такого же вида, как и в дофеодальный период, если оно было охвачено княжеской администрацией, или не знало никаких податей и повинностей, если оно не занималось земледелием и не находилось на учете этой администрации².

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 267.

² Там же.

Что же касается класса феодально-зависимого населения, то источники позволяют говорить о различных способах его пополнения.

Во-первых, как было отмечено, к феодально-зависимым людям по своему социально-правовому положению приближались холопы. Рабство в Древнерусском государстве носило патриархальный характер и в больших масштабах было нерентабельным. Поэтому владельцы феодальных вотчин «сажают» холопов на землю, т.е. предоставляют им некоторую хозяйственную самостоятельность, повышая таким образом заинтересованность холопов в результатах своего труда. Холопы, по-видимому, получают от хозяина инвентарь, дома, земельные участки для обработки, постепенно обзаводятся собственным хозяйством. Как указывается, «памятники определенно говорят о том, что основная масса холопов, за вычетом дворных (домашних) холопов, живет не в рабских казармах, а в отдельных дворах, вместе со своей семьей, в своем доме»¹.

При этом форма их эксплуатации сближается с феодальной рентой, т.е. холопы, выполняя установленные повинности, могли оставлять себе определенную долю продукта.

С.В. Юшков приводит следующий интересный факт, свидетельствующий о превращении холопов в феодально-зависимое население: слово «холоп» стало использоваться в двух значениях – широком и узком. В широком смысле холопом (челядином) называли всякого зависимого человека (в том числе, закупа и наймита). Под холопами в узком смысле понимали рабов. Когда хотели указать, что речь идет о холопах-рабах, то говорили о холопстве обельном или полном².

Во-вторых, происходит закабаление свободных общинников, возникают новые категории несвободного населения – закупы, вдачи.

Имущественное расслоение общины приводит к появлению обездоленных крестьян, лишенных средств к существованию и попавших в долговую зависимость к состоятельным соседям. Древнерусское право называет таких лю-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 268.

² Там же. С. 269.

дей закупами. А.Н. Филиппов различает закупов ролейных, т.е. занимавшихся земледелием, землепашеством (ролейный – от роля – пашня, рало – соха), и дворовых¹.

М.Б. Свердлов пишет, что причиной такого явления как закупничество была экономическая слабость индивидуального крестьянского хозяйства, благосостояние которого разрушалось в результате природных и социальных катаклизмов – неурожая, войн и т. п. Свободные общинники, разоряясь, должны были обращаться за помощью в экономически стабильные княжеские и боярские хозяйства при условии погашения долга и процентов отработками².

Между тем, вопрос о социально-правовой природе закупничества и отношений, лежащих в его основании, до настоящего времени не получил единого, приемлемого для всех решения. Ряд авторов полагает, что в основе закупничества лежит договор займа, обеспеченный залогом личности должника (самозалогом). Такой точки зрения придерживались, в частности, Н.М. Карамзин, И.И. Яковкин и прочие.

Некоторые авторы утверждали, что закупа – это наемные работники, получившие заработную плату вперед, т.е. закупничество проистекает из договора найма³.

По мнению С.В. Юшкова, которое следует признать наиболее убедительным, в основе закупничества лежит долговое обязательство, для обеспечения погашения которого закуп должен был находиться в особых отношениях зависимости от своего господина и работать в его хозяйстве. При этом такое долговое обязательство может появиться: 1) при займе, 2) при получении вперед заработной платы, 3) при отдаче отцом своего сына в кабалу за долг, 4) как условие отпуска на волю полного холопа, 5) при неуплате вознаграждения за правонарушение, 6) при неуплате ранее сделанного долга, когда кредитор имеет пра-

---

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 211.

² Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 171.

³ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т.1. Территория и население. – СПб., 1890 (типография Н.А.Лебедева). – С. 177-191.

во продать должника в полное холопство. Однако, несмотря на разнообразие условий, при которых закупничество может возникнуть, основным и типичным источником этого института был заем и в меньшей степени наем¹.

Что касается правового положения закупов, то указанный вопрос также является дискуссионным.

Так, С.В. Юшков, исходя из анализа норм Русской Правды о закупах, приходит к выводу о том, что закуп должен был проживать вместе с господином, находясь на полном хозяйском иждивении. Лишь в редких случаях за купу позволялось отлучаться от господского двора. Ролейный закуп (т.е. закуп, работавший на пашне) обязан был обрабатывать только господскую землю, получая от господина коня и сельскохозяйственный инвентарь.²

Иную позицию по этому вопросу занимает М.Б. Свердлов, полагая, что «у закупов были свои земельные наделы и тягловый скот, которые служили экономической основой частичного сохранения прав свободного человека»³.

Сходной точки зрения придерживается и А.Н. Филиппов: «Закупы были люди свободные, имели свое имущество (отарицу), могли заключать договоры, имели право иска против нанимателя, могли быть свидетелями, но в небольших только тяжбах (как люди зависимые). Господин в свою очередь, имел право на наказание закупа, однако, лишь за вину его, иначе он платит за закупа, как за свободного»⁴.

Русская Правда (в Пространной редакции) устанавливает, что закуп, убежавший от господина, превращался в полного холопа: «Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искат(и) кун, а явлено ходить, или ко князю, или к судиям бежить обиды дея своего господина, то про то не работять его, но дати ему правду». Единственный повод, позволявший за купу законно отлучиться со двора господина, – это поиск денег для уплаты долга и жалоба на нарушение

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 437.

² Там же. С. 277

³ Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 173.

⁴ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 212.

условий договора со стороны господина. При этом уход должен быть открытым, что, вероятно предполагало, официальное объявление об уходе перед послами.

Закуп несет ответственность за порчу господского плуга и бороны. Но освобождается от наказания, если их порча произошла в отсутствие закупа, посланного господином по другому делу: «Аже у господина ролейный закуп, а погубить воиский конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господин его отслеть на свое орудье, а погибнуть без него, то того ему не платити».

Кроме того, Русская Правда предусматривает ответственность закупа за утрату господского скота, похищенного в поле (но не из закрытого помещения): «Аже из хлева вывести, то закупу того не платити; но (о)же погубить на поли и в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити».

При этом некоторые правовые нормы защищают интересы самого закупа. Так, если хозяин избивает закупа без достаточных оснований, в состоянии алкогольного опьянения, то в случае установления вины хозяина, он должен заплатить штраф, такой же как за свободного: «Аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платежь, тако же и в закупе». При этом следует заметить, что по прямому смыслу указанной статьи, хозяин имел право избивать закупа за дело.

Кроме того, в случае нарушения господином условий договора, виновный наказывался штрафом: «Аже господин переобидеть закупа, а увидить купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун».

Как отмечается, на практике положение закупов было значительно хуже. Совершенно ясно, что на практике закуп поработался, когда он шел отыскивать деньги для погашения долгового обязательства и для принесения жалобы на своего господина; очевидно, закуп принужден был отвечать и за потерю коня на войне и дома, когда конь был украден, хотя закуп загнал его в хлев и за-

пер; на практике господ закупа «вередили купу» его и наносили ущерб его имуществу, вымогали вторично погашение долгового обязательства, продавали его в полные холопы, избивали без всяких оснований и даже безнаказанно убивали, так же как и холопов¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что закуп, в отличие от холопа, обладал некоторой правосубъектностью. Говорить о наличии собственного хозяйства закупа вряд ли правильно, поскольку человек, имевший дом и какое-либо имущество, вероятнее всего не вступил бы в столь кабальное долговое обязательство.

Вопрос о правовой природе вдачи в литературе решается неоднозначно. Во многом это обусловлено неясностью формулировок текста Русской Правды. В статье 111 Пространной редакции устанавливается: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть». При раздельном написании «дача» означает хлеб, милость, помощь, подачку и т.п. Исходя из текста статьи, за ее получение человек не превращался ни в холопа, ни в закупа. Однако в одном из поздних списков Русской Правды (конца XIV- начала XV века) слово «вдачи» пишется слитно, что дает основания рассматривать их как особую категорию населения.

С.В. Юшков в этой связи считал, что люди, взявшие в ссуду хлеб или деньги, искусственно называются вдачами. По мнению же Ю.Г. Алексеева, в ранних списках Русская Правда действительно говорит о «даче», не называя человека, получившего ее. Тогда как в списках XIV - начала XV века появляется самостоятельная статья о «вдаче».

Ю.Г. Алексеев полагал, что в статье 111 в XII—XIII вв. говорится о лично свободном человеке, получившем «дачу-милость» от господина и попавшем в зависимость от него. Этот человек должен был отрабатывать эту «милость» в

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 282.

течение года и лишь затем порывал связь с хозяйством господина¹. Иными словами, лицо, получившее «дачу», хотя внешне и напоминало закупа, закупом по сути не являлось. «Дачей» скорее всего становился хлеб, зерно, нехватка которого могла ощущаться в условиях неурожая. Зависимость была краткосрочной и неформальной.

Вместе с тем, сопоставляя более позднюю редакцию статьи 111 о «вдаче» с похожими по содержанию нормами Закона Судного людям, Ю.Г. Алексеев пришел к выводу, что в Законе Судном людям речь идет уже о «вдачестве» как о новом социальном явлении, о «вдавшемся человеке». «Вдавшийся человек» не становился холопом, его зависимость по-прежнему носила временный и в целом «неформальный» характер, а, следовательно, человек, попавший в зависимость, мог выйти из нее. Однако для этого уже было недостаточно работать на господина. «Вдачь» мог освободиться, только уплатив выкуп, что свидетельствует о более тяжелой форме его зависимости и затрудненном выходе из нее².

В-третьих, класс феодально-зависимого населения пополнялся за счет людей, находившихся под патронатом. Существование патроната как особого института феодального общества в отечественной дореволюционной историографии было обосновано Н.П. Павловым-Сильванским. В советский период патронат подробно рассматривался С.В. Юшковым. Патронат представляет собой особые отношения феодальной защиты, предоставлявшейся светскими и церковными феодалами наиболее уязвимым категориям населения. В нестабильной ситуации разложения общины, имущественного расслоения появлялись группы людей, выбитых из привычных социальных условий и нуждавшихся в защите со стороны наиболее влиятельных феодалов – князя, митрополита и епископов. Соответственно этому выделяется патронат князя и патронат церкви.

---

¹ Однако, как верно замечает С.В. Юшков, вдачь, работая на кредитора, не в состоянии был восстановить свое хозяйство и добыть средства к существованию на следующий год. Поэтому он вынужден был вторично обращаться к хозяину за милостью.

² Алексеев Ю.Г. Статьи о «вдачестве» (Опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов) // Вспомогательные Исторические Дисциплины. – Л., 1978. – Т.9. – С.158-165.

Предоставление подобного покровительства означало, что имущество и личность патронируемого охраняются от различных посягательств, в том числе от притязаний других феодалов. Однако принятие этой защиты влекло за собой зависимость лица от феодала, порождало его обязанность работать в княжеском домене или церковных владениях.

В числе категорий населения, находящихся под патронатом, называют задушных людей, прощенников, изгоев. Указанные группы в XIII веке именуется закладниками.

Задушные люди – это холопы, отпущенные на волю по завещанию. Установление над такими людьми патроната вполне объяснимо. Будучи в рабстве, они не приобрели ни имущества, ни дома, а потому особенно нуждались в защите церкви.

Прощенники – это неоплатные должники, превращенные в холопов кредиторами, а затем прощенные ими или при жизни господина или по завещанию. Как полагает С.В. Юшков, прощенники, потеряв все свое имущество вследствие несостоятельности, попадали под покровительство церкви. Л.В. Черепнин указывал на преступление как на причину прощенничества¹.

Изгой – это люди, вышедшие по каким-либо причинам из прежней социальной среды, потерявшие с ней связи. М.Б. Свердлов отмечает, что слово «изгой» восходит к тому же корню, что и русское слово «гоить» – «холить», «жить». Приставка «из» придавала слову значение лишения качества². Иными словами, изгойство могло означать процесс лишения прежней «жизни». Изгой, по словам С.В. Юшкова, социальный «экс»³.

Древнерусское право различает две группы изгоев: княжеские и церковные («изгой трои»). Последние упоминаются в Уставе князя Всеволода при перечислении церковных людей: «изгой трои: попов сын грамоты не умеет, хо-

---

¹ Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки: Сб. - Т. 56. - М., 1956С. 256.

² Свердлов М.Б. Указ. соч. С.186.

³ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 309.

лоп из холопства выкупится, купец одождает. А се четвертое изгойство и себе приложим: аще князь осиротеет».

Об изгоях, находившихся под патронатом князя, говорит Русская Правда: «Убьеть муж(ь) мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь» (ст.1).

Как видно, их жизнь охраняется так же, как жизнь свободного человека. Как полагает С.В. Юшков, изгой, находившийся под патронатом князя, вероятнее всего были выходцами из общин. Разорившись, лишившись имущества и инвентаря, люди уходили из общины в поисках лучшей доли. Князь, заинтересованный в приобретении рабочей силы для княжеских сел, давал таким изгоям специальную защиту, предоставляя им жилье и рабочий инвентарь. Вместе с тем изгой терял статус свободного человека, становясь феодально-зависимым.

В-четвертых, одной из групп, вошедших в класс феодально-зависимых людей, были наймиты. Статья 61 Русской Правды упоминает наймита, фактически отождествляя его с закупом: «Продасть ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже». Вероятно, термин «наймит» в данном случае образован от слова «найм» – проценты. Иными словами, наймит Русской Правды – это человек, отрабатывающий проценты.

Вместе с тем, в нормах Русской Правды предусматривается несколько случаев заключения договора личного найма: поступление в ключники и тиуны, плата лекарю за лечение раны и т.п. Однако особо термина для обозначения наемных работников в этот период выработано не было.

Лишь к концу XII или началу XIII в. возникает специальное название для наемного работника – наймит¹. Если ранее это название присваивалось за купу, то теперь оно уже означает другие отношения – отношения найма.

---

¹ Слово «наймит» – эквивалентно обозначению наемника в греческом языке.

С.В. Юшков, исследуя памятник XIV в. Правосудие митрополичье, приходит к выводу, что уже в нем установилось различие между закупом и наймитом. Статья 27 (29) этого памятника так характеризует положение наймита: «А се стоит в суде челядин – наймит, не похочет быти, а осподарь, несть ему вины, но дати ему вдвое задаток, а побежит от осподаря, выдати его осподарю в полницу. Аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита – то есть душегубство».

Как видно, наймит Правосудия митрополичья не наймит Русской Правды, не закуп. Прежде всего, он получает от господина не купу, а задаток. Он может уйти от своего хозяина при условии уплаты двойного задатка. Отношения же по закупничеству, если принять во внимание весь комплекс законодательства о закупах, гораздо сложнее и связывают закупа гораздо серьезнее. Но главное – в Правосудии митрополичьем закупы (закупные) и наймиты противопоставляются в самом тексте («А закупного ли наймита...»). Нельзя и думать, что составитель этого памятника хотел в этой фразе пояснить, кто такие были закупы: институт закупничества был весьма известен еще в Русской Правде. Наймит – это близкий к за купу, но все же другой разряд эксплуатируемого населения¹.

Близость социального статуса наймитов к феодально-зависимому населению объясняется, вероятно, их имущественной несостоятельностью, заставлявшей их наниматься на работу в феодальные сеньории, и, очевидно, предпринимавшимися на практике попытками их закабаления.

Так, Б.Д. Греков приводит данные, свидетельствующие, что при строительстве храма святого Георгия в Киеве рабочие отказывались идти на работу, боясь не получить за нее плату. Нужно было принять ряд мер, в частности, привозить деньги (куны), держать их на глазах рабочих, чтобы строительство могло пойти дальше². С.В. Юшков объясняет нежелание идти на работу не столько

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 441.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953.- С. 158.

опасением не получить платы, сколько опасением превратиться в зависимых людей.

В-пятых, основная масса свободного населения переходила в состояние феодально-зависимых людей путем превращения дани в феодальную ренту, т.е. в ту часть производимого крестьянами продукта, которая принадлежит собственнику земли.

Вопрос о превращении дани в феодальную ренту в отечественной историографии был подробно исследован С.В. Юшковым, который определил три основных этапа в этом процессе: 1) постепенный захват земель племен и народов, обложенных данью, и превращение этих земель в феодальные владения князей и их слуг; 2) в постепенное усложнение как способов собирания дани, так и ее состава; в частности, от сбора дани в одинаковой размере от двора или рала переходят к дифференцированной дани по размеру и качеству земли; к дани присоединяются разного рода дополнительные поборы; 3) раздача дани князьями своим боярам и церковным учреждениям, что фактически ведет к передаче им крестьянства и крестьянских земель¹.

В-шестых, наиболее простым и эффективным способом превращения свободного общинника в феодально-зависимого человека был прямой захват земельных участков. Захват земли приводил к насильственному закабалению проживающих на ней людей.

При рассмотрении проблемы формирования класса феодально-зависимого населения в Древнерусском государстве интерес представляет вопрос о смердах. Особенности правового положения смердов являются предметом длительной дискуссии в исторической и историко-правовой науке.

В литературе широкое распространение получила точка зрения, согласно которой смердами на Руси называлось все сельское население.

Такой позиции придерживался, к примеру, М.Ф. Владимирский-Буданов. Как отмечал указанный автор, термин «смерд» «употребляется иногда в об-

---

¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953. - С. 286.

ширном смысле (обнимая все население, кроме духовенства и бояр), но в тесном смысле под смердами понимаются сельские жители»¹. При этом М.Ф. Владимирский-Буданов различал свободных и несвободных смердов.

В.И. Сергеевич также полагал, что слово смерд употребляется в источниках то в очень узком, то в весьма широком смысле. В узком смысле оно означает пахаря, сельского работника. Означая мелкого человека, слово смерд может быть, однако, применено и ко всему населению, если его сопоставить с самым крупным человеком волости, с князем. Каждый свободный сравнительно с владетельным князем представляется небольшим человеком, а потому и может быть назван смердом².

Ряд авторов относят смердов к числу свободных людей (например, Карамзин, Рейц и др.). Такова, в частности, точка зрения И. Малиновского, который пишет, что: «Смерды люди свободные. В Русской Правде есть статьи, ограждающие их личные и имущественные права. Самоуправство над смердом запрещено под страхом наказания. За смердом признается право на имущество и наследственные права. Смерды считаются субъектами преступления; они «платят князю продажу» и в этом отношении отличаются от холопов, которых «князь продажею не казнит, занеже суть нсвободни». Как свободные граждане, смерды имели права и в то же время несли обязанности по отношению к государству: они принимали участие в военных походах, платили дань»³.

С.В. Юшков убедительно доказывал, что смерды являются одним из рядов феодально-зависимого сельского населения. Смерды, как считает С.В.Юшков, находятся в отношениях зависимости от князя, являясь его домениальными зависимыми крестьянами⁴. Этим он объясняет и особый порядок наследования имущества смердов, и особую защиту смерда со стороны князя.

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 34.

² Сергеевич В.И. Указ. соч. С.166.

³ Малиновский И. Лекции по истории русского права. - Ростов-на-Дону, 1918 (изд-во кооперативного т-ва «Единение»). - С. 93.

⁴ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 297.

Правовое положение смердов определяется в нескольких нормах Русской Правды. Так, убийство смерда наказывалось так же, как и убийство холопа: «А в смерде и в хо(ло)пе 5 гривен». В то время как убийство свободного человека ответственность была значительно выше: «паки ли людин, то 40 гривен». Истязание смерда наказывается мягче, чем истязание княжеских агентов: «Аже смерд мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, то 12 гривен продаже, а за муку гривна». Следует обратить внимание на дополнение «без княжа слова», которое подводит к мысли, что насилие над смердами с княжеского разрешения допускалось. Наконец, имущество смерда, не имевшего сыновей, считалось выморочным и переходило князю, в отличие от имущества дружинников и бояр, которое могло передаваться и дочерям: «Аже смерд умереть, то задницу князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им. Аже в боярех либо в либо в дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сынов, а дщери возмутъ».

Таким образом, смердов можно отнести к еще одной категории феодально-зависимого сельского населения, отличительным признаком которой являлось особые отношения зависимости от князя.

§4. Городское население.

Развитие ремесла и торговли вызвало бурный рост городов в Древнерусском государстве. Первоначально города на Руси представляли собой военные укрепления – крепости, основанные князьями (город-замок). Город-замок являлся в первую очередь военным, финансово-административным и судебным центром для окружающих его волостей. Однако рост производительных сил и разделение труда превращает города в торгово-ремесленные центры. Население таких городов отличалось пестротой как в социальном, так и в этническом плане. В городах располагалась резиденция князя, поэтому здесь находилась его администрация – боярство, дворцовые слуги. Кроме того в городах как культурных центрах сосредотачивалось православное духовенство.

Однако основной контингент городского населения составляли торговцы и ремесленники.

Углубление феодальных отношений приводит к имущественному и социальному расслоению городского населения. Как пишет М.Ф. Владимирский-Буданов, горожане не составляют цельного класса, занятого одной какой-либо профессией¹.

В структуре городского населения прежде всего выделяются гости. Первоначально гостями назывались иностранные торговцы, однако со временем так стали именовать русских купцов, торговавших иностранными товарами. Гости были высшим, наиболее состоятельным, разрядом городского населения, что вполне объясняется редкостью и ценностью продаваемых ими товаров.

Вторая группа городских людей – купцы. Памятники, говоря о купцах, прибавляют к наиболее выделившимся из них эпитеты – «вячшие», «старейшие», «добрые»². Последние пользовались, наравне с боярами, правом государственной службы (участвовали в военных походах, посольствах и в делах управления и суда) и правами землевладения³.

В Новгороде купцы объединялись в корпорации – сотни. Так, князем Всеволодом в 1135 году особой грамотой было учреждено так называемое Ивановское купечество. Для того, чтобы вступить в указанную купеческую гильдию, необходимо было внести взнос. Членство в ней было наследственным. Кроме того, Ивановское купечество обладало правом на самоуправление.

Низший разряд городских жителей назывался черными людьми, или молодшими людьми. Это могли быть ремесленники, мелкие торговцы и прочие.

Особенностью правового положения всех горожан было то, что они, в отличие от сельского населения, не платили дани. Однако со временем на купцов и ремесленников была возложена обязанность платить торговые пошлины, пошлины с мер и весов.

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С 32.

² Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 209.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 33.

§5. Холопы.

Как указывалось ранее, рабство в Древнерусском государстве носило патриархальный характер. Рабов использовали главным образом как домашнюю прислугу. В больших масштабах рабство было просто невыгодным. Анализ источников показывает, что рабы обозначались различными терминами: холоп, челядин, «обель», роба (если речь шла о женщине).

Одна статья Русской Правды говорит о «холопах княжеских и боярских и чернцевых». Отмеченное, по мнению И. Малиновского, означает, что рабовладельцами были князья, частные землевладельцы и монастыри. Однако, как поясняет указанный автор, это не полный, не исчерпывающий перечень рабовладельцев. Перечислены главные, крупные рабовладельцы. Но в древности рабовладельцем мог стать всякий: и гость, и купец, и дружинник и даже смерд¹.

Способы установления рабства называются в Русской Правде. Статья 110, так называемый Устав о холопстве, предусматривает: «Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самым холопом; а второе холопство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же стоять; а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжеть ключ к себе без ряду; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же стоять».

Таким образом, человек мог стать рабом в результате продажи в холопы (С.В. Юшков считает, что в данном случае речь идет о самопродаже). Кроме того, в такое состояние приводила женитьба на рабе без заключения договора с ее господином, а также поступление в ключники или тиуны без заключения договора с нанимателем.

Последний случай вызывает особый интерес. Как разъясняется в литературе, тиун и ключник – это слуги, стоящие наиболее близко к господину, их служба предполагает особое доверие к ним хозяина. Они имеют доступ к имуществу и личности господина, поэтому такую работу могли исполнять только

---

¹ Малиновский И. Указ. соч. С. 85.

несвободные люди. Особое доверие к ним господина предполагало неограниченное право распоряжаться их судьбой и наказывать. Вступление в должность ключника и тиуна во всяком случае влекло за собой холопство. Однако Русская Правда допускает возможность заключения соглашения о правах и обязанностях тиуна, предполагающего, например, холопство только на срок службы и освобождение при отказе ему в службе или по смерти господина¹.

Перечень оснований холопства, приведенный в статье 110, не является исчерпывающим. В Русской Правде, кроме того, указываются следующие источники холопства: бегство закупа от господина или уличение его в краже, умышленная несостоятельность, рождение от рабыни, поток и разграбление как мера наказания за преступление. Хотя природа потока и разграбления остается до конца не выясненной, исследователи отмечают, что разграбление могло означать не только конфискацию имущества, но и превращение в холопов жены и детей преступника.

Между тем основным источником холопства с количественной точки зрения, так же как и в антском государстве, остается плен.

И. Малиновский по этому поводу пишет: «Первым источником холопства быть плен. Русская Правда молчит о нем. Может быть потому, что вопрос был бесспорным, не требовавшим никаких пояснений: пленный делался рабом; в древности это само собой разумелось. Княгиня Ольга, мстя за убийство мужа своего Игоря, пошла войной на древлян, взяла их город Искоростень и сожгла его, затем «старейшины изънима и прочыя люди овых изби и другие работе предаст мужем своим, и прок их остави платит дань. Таков результат войны: побежденные неприятели избивались, а оставшиеся в живых попадали в рабство к победителям или обязывались платить дань тем же победителям. Войны велись очень часто. А так как неизбежным исходом войны был плен неприятеля, то этот источник рабства был обильнейшим в древности. Удачная война со-

---

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1 Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. - С. 122.

проводилась уводом в плен многих побежденных неприятелей. Они обращались в рабство. Некоторых победители оставляли у себя, в своем хозяйстве, других вывозили на рынок для продажи»¹.

Как указывает А.Н. Филиппов, «пленники, или «полоняники», составляли важный предмет торговли, как об этом свидетельствуют, между прочим, договоры русских с греками. Их выводили на рынки, при чем особенно удачные походы, сопровождавшиеся захватом большого числа пленных, весьма влияли на понижение цены их на рынках»².

И. Малиновский приводит следующие интересные летописные данные, записанные под 1169 годом: «Новгородцы захватили в плен так много суздальцев, что цены на рабов очень сильно понизились: пленных суздальцев, «купляху по 2 ногате». Тогда цена овцы или козы доходила до 6 ногат, свинья стоила 10 ногат, а кобыла 60 ногат. Стало быть раб ценился в три раза дешевле овцы или козы, в пять раз дешевле свиньи и в тридцать раз дешевле кобылы».³

В литературе поднималась проблема характера рабства пленников. Так, И. Малиновский задается вопросом: в какое рабство попадали пленники - временное или вечное? Отвечая на него, указанный автор, пишет, что в древнем русском праве не встречается определенных постановлений на этот счет. М.Ф.Владимирский-Буданов полагает, что в этом случае применялись правила Закона Судного Людей: пленники оставались в рабстве лишь до выкупа, в случае же продажи пленника покупатель получал право лишь на остающуюся отработку выкупа, а отработанная уже часть засчитывалась. Однако положительных данных, подтверждающих такое предположение, нет. Факт то, что пленных продавали. Отсюда И.Малиновский делает вывод, что пленные считались такими же вечными рабами, как и все другие «обельные» холопы⁴.

---

¹ Малиновский И. Указ. соч. С. 86.

² Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 217

³ Малиновский И. Указ. соч. С. 86.

⁴ Там же.

Холопы в IX- XI вв. были лишены правосубъектности. Они не являлись субъектами преступления. За совершенное холопом противоправное деяние ответственность нес его хозяин: «Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истыцю за обиду». При этом господину фактически принадлежало право расправы над провинившимся холопом. Господин мог безнаказанно убивать, избить, продавать холопа.

В области гражданских правоотношений холоп также не обладал правоспособностью. Стороной в заключенном им договоре считался его хозяин: «Аже холоп бегая будеть добудеть товара, то господину долг, господину же и товар, а не лишитися его».

По общему правилу, холопы не могли быть свидетелями в суде. Исключение делалось лишь для боярских тиунов: «А послушства на холопа не складуют; но оже не будеть свободного, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа».

Со временем холопы приближаются по своему правовому положению к феодально-зависимым людям, законодательство несколько расширяет их правоспособность и дееспособность. Это в большей степени отвечало интересам феодалов, поскольку рабский труд был не выгодным и нерентабельным.

Подводя итог рассмотренным в настоящей главе вопросам, следует сказать, что древнерусское общество было феодальным. На ранних этапах его существования из различных привилегированных социальных групп начинает формироваться класс феодалов – бояр, главным преимуществом которых было обладание земельными наделами и возможность эксплуатации проживающих на них людей. По мере образования класса феодалов, свободное население общин различными путями превращается в феодально-зависимое.

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

§1. Государственное устройство.

Под формой государственного устройства в юридической науке понимается внутреннее строение государства, деление его на составные части и их взаимоотношения между собой¹. Традиционно выделяют такие формы государственного устройства, как федерация, конфедерация и унитарное государство.

Вопрос о форме государственного устройства Древнерусского государства является дискуссионным. Попытки его решения предпринимались еще в до-революционной историографии. К примеру, М.Ф. Владимирским-Будановым, В.И. Сергеевичем, Н.И. Костомаровым, М.Н. Покровским и прочими.

Ряд дореволюционных авторов обосновывали федеративное устройство Киевской Руси. Так, М.М. Ковалевский полагал, что «средневековая Россия представляла собою федерацию княжеств, почти не связанных друг с другом»².

Н.И. Костомаров писал: «Географическая местность страны и обстоятельства, под влиянием которых сложился быт Восточных Славян, произвели надолго, в истории русского народа, сочетание единства и целостности земли с раздельностью частей ее и с своеобразностью жизни в каждой из этих частей. Коренной зачин русского государственного строя шел двумя путями: с одной стороны, к сложению всей Русской Земли в единоедержавное тело, а с другой – к образованию в нем политических обществ, которые, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемого их совокупностью. Это начало федерации не представляет в истории нашей чего-то исключительно- свойственного славянскому племени; его встречаем мы как у древних, так и у новых народов, повсюду, где только живучесть нравственных сил человека не была подавлена насильственным сплочением, или где, вследствие неблагоприятных для поддержания единства оборотов судьбы, части не

---

¹ Теория государства и права: Учебник / под ред. В.К. Бабаева. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – С. 96.

² Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. - СПб., [Б.г.] (типография Б.М. Вольфа). – С.19.

приняли характера совершенно отдельных друг от друга целых, и не разошлись на своем пути в разные стороны»¹.

Действительно, Древнерусское государство изначально формировалось как сложное политическое образование, складывающееся из территорий различных племен.

Однако вряд ли правильно на этом основании называть Киевское государство федерацией. Анализ формы государственного устройства Древнерусского государства требует соблюдения принципа историзма, предполагающего исследование тех или иных политико-правовых явлений в конкретно-историческом контексте. Это, в частности, означает, что некорректно оценивать государственное устройство Древней Руси, используя современные юридические понятия. Здесь следует согласиться с Л.Е.Лаптевой в том, что корректность использования термина «федерация» вызывает сомнения, поскольку федеративные отношения предполагают твердо установленную юридическую связь между субъектами и федеральным центром, чего в данном случае мы не наблюдаем².

В настоящее время общепринятой считается позиция С.В. Юшкова, который при характеристике государственного устройства Киевской Руси использует понятие «отношения сюзеренитета-вассалитета».

Как отмечает С.В. Юшков, в эпоху формирования феодальных отношений в Древнерусском государстве, его территориальная структура состояла из племенных княжеств и княжеств-наместничеств.

С одной стороны, в состав Киевского государства вошли бывшие племенные территории (ко времени образования Киевского государства восходит процесс разрушения племенных отношений и распада племенных территорий), возглавляемые местными племенными князьями, которые признали верховенство власти киевских князей. Кроме племенных территорий в состав Киевского

---

¹ Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в древней Руси.- СПб., 1861.- С.1

² История отечественного государства и права: учебник / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю.Пахалов. – М.: Юрайт, 2011. – С.32.

государства входило несколько варварских государств – Новгородское, Полоцкое, Тмутаракань и др.

С другой стороны, киевские князья раздавали земли своим людям, которые становились князьями-наместниками (так называемыми «светлыми князьями»), подчиненными верховной власти. Как полагает И.Я. Фроянов, С.В. Юшков, утверждая, что князья-наместники получали от князей землю, не разъясняет принципиального в данном случае понятия «земля». Получение земли, – считает И.Я. Фроянов, – означает приобретение права сбора дани, а не земельные пожалования.

Отношения, связывавшие местных князей и князей-наместников с великим киевским князем, С.В. Юшков называет, используя выражение К.Маркса, «вассалитетом без ленных отношений или ленами, состоящим из даней». Вассалитетом без ленных отношений, в основе которого лежало не свободное соглашение, а принуждение, были отношения племенных князей. Это наиболее примитивный тип территориальных взаимосвязей в предфеодальном государстве. С.В. Юшков поясняет, что иногда племенные князья не только не несли военной повинности, но даже не платили дани. Из летописного рассказа об отношении древлянского князя к Игорю видно, что подчинение древлян и древлянского князя состояло только в том, что князь Игорь или его бояре (в данном случае Свенельд) получали право собирать дань.

Положение князей-наместников характеризовалось тем, что они получали лены, составлявшиеся из даней. Иными словами, князья-наместники обязывались уплачивать дань с подвластных им территорий великому киевскому князю. Как отмечает С.В. Юшков, других повинностей князья-наместники не несли. Данных о выполнении ими основной вассальной повинности – военной, нет. Если в войске киевских князей и принимали участие князья-наместники или их дружины, то это было добровольным участием¹.

---

¹Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 95.

Со временем (в правление Святослава) были окончательно подчинены племенные княжества древлян и радимичей. Род Рюрика, монополизировав государственную власть, превратил бывших племенных князей в бояр. Князья-наместники также были низведены до степени бояр, их отношения с киевским князем усложняются – главным образом, это проявляется в расширении круга выполняемых ими обязанностей.

Надо заметить, что в литературе высказывается сомнение в правильности объединения князей-наместников и племенных князей в единую группу вассалов великого князя.

Так, по мнению И.Я. Фроянова, весьма спорными являются попытки С.В.Юшкова охватить отношениями вассалитета племенных князей. Этим стираются принципиальные различия в отношениях великого киевского князя к своим местным князьям-наместникам и племенному князю. Если наместники жаловались данью, то племенные князья сами платили ее вместе с соплеменниками «мира деля», т.е. во избежание разорительных войн с Киевом. Следовательно, связи великого князя с князьями-наместниками носили внутрикорпоративный характер, тогда как его связи с князьями подчиненных племен имели внешнеполитическую природу. Иными словами, условиям вассалитета как внутреннего социального явления отвечают лишь взаимоотношения великих киевских князей с их наместниками-князьями¹.

В более поздний – феодальный период – существования Древнерусского государства, когда основной территориальной единицей становится феодальная сеньория, в центре которой находился город, подчинявший близлежащие земли «судом и данью», первоначальные примитивные отношения вассалитета усложняются.

Как отмечал С.В.Юшков, возникновение феодальных государств на основе дофеодальных («варварских») государств, которые представляли собой пестрый комплекс разного рода территорий, связанных с центром отношениями

---

¹Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 53.

вассалитета без лена или с ленами, составляющимися из даней, всегда связано с утверждением некоторой относительной централизации¹.

Однако этот период в истории Древнерусского государства был непродолжительным. Князь Владимир, сосредоточивший всю власть в Киевском государстве в своих руках, стал распределять земли между своими сыновьями.

Отношения между сыновьями и отцом, сложившиеся в результате раздела земли, С.В.Юшков называет отношениями вассалитета, соединенного с отцовской властью. Вместе с тем сыновья великого киевского князя относились к полученным владениям как к собственным вотчинам, стремились установить там самостоятельную власть.

Ярослав, также как и его отец, стал раздавать земли своим сыновьям еще при жизни (ряд Ярослава). В свою очередь каждое владение Ярославичей стало делиться на так называемые уделы: возникла удельная система, которая отличается от обычного феодального дробления тем, что земля делится между представителями одной династии, между всеми сыновьями. Таким образом, начинается процесс феодального распада Киевского государства².

Отношения сюзеренитета-вассалитета, характерные для феодального периода, отличаются большей формализацией. Теперь они основаны на специальных договорах, определяющих права и обязанности князей-сюзеренов и князей-вассалов, главной обязанностью которых является военная помощь сюзерену.

В литературе последовательно проводится мысль о переплетении отношений вассалитета с семейными отношениями. Великий киевский князь раздавал земли своим сыновьям, становившимся его вассалами. Однако, как подчеркивал С.В. Юшков, тот факт, что великие князья Владимир и Ярослав делят власть со своими сыновьями, совершенно не изменяет сущности этой семейной власти и ее организационно-политических форм. Отец – великий князь – оста-

---

¹Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. С. 108-109.

² Там же.

ется сюзереном, сыновья его – вассалами. Обязанности сыновей-вассалов ничем не отличаются от обязанностей вассалов, принадлежащих к другим родам: быть в послушании, платить дань, держать верность отцу-сюзерену, оказывать военную помощь.¹ Невыполнение этих обязанностей сыновьями влекло применение к ним тех же санкций, что к другим вассалам.

Вместе с тем И.Я. Фроянов считал, что семейные отношения оказали сдерживающее воздействие на развитие вассалитета. Они мешали формированию субвассалитета, поскольку семейные отношения предполагают прямые и непосредственные связи младших членов семьи к главе семейства, исключая промежуточные звенья².

Вассальные отношения регулировались междукняжеским феодальными договорами – крестными грамотами. Такое наименование объясняется процедурой их заключения, сопровождавшейся присягой – целованием креста на грамотах. Юридическая сила подобных договоров определялась главным образом политическим положением подписавших их сторон. В летописях сохранилось немало сведений о нарушении верности сюзеренам, «преступлении крестного целования». По данным Б.А. Рыбакова, князь Святослав Всеволодович за короткий срок «одиннадцать раз сменил сюзерена, совершив при этом десять клятвoprеступлений. Иногда это делалась поневоле, под давлением непреодолимых обстоятельств, а иной раз и по собственной воле, в поисках выгоды»³.

Неустойчивость вассальных отношений в княжеской среде объясняется прежде всего тем, что в своей политике князья руководствовались соображениями сиюминутной выгоды, предпочитая наиболее полезную в данный момент политическую фигуру. Кроме того, сюзеренитет часто навязывался силой, принудительным порядком. Поэтому князь, ставший вассалом поневоле, ждал случая, чтобы избавиться от тягостной зависимости⁴.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 327.

² Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 54

³ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М.: Наука, 1971. – С. 116.

⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 58.

Сюзеренитет в Древнерусском государстве обозначался словом «старейшинство». По словам И.Я. Фроянова, еще в конце XI-XII вв. старейшинство генеалогическое не отрывалось от старейшинства политического, т.е. права сюзерена получал старший по возрасту в роду. Хотя были и исключения, когда старейшинство захватывалось силой.

Сюзерен в силу своего положения прежде всего приобретал право на военную поддержку вассалов. С.В. Юшков понимал это как обязанность единения («единачества») со старейшиной - великим князем. Подчинение сюзерену, старейшине обычно выражалось формулой «быти в воле», «быти в послушании», «слушати». Быть в воле и единении означало необходимость согласовывать свою политику с великим князем, предполагая военную, а нередко и экономическую помощь во время войны¹. Весьма красноречиво послание «молодых» князей Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо: «ты отец, ты господин, ты брат, где твоя обида будет, мы переже тебе главы своя сложим за тя»².

Военная служба вознаграждалась пожалованием волостей. В этой связи следующие летописные сведения приводит И.Я. Фроянов: «В 1146 г. Игорь Ольгович накануне войны с Изяславом Мстиславичем наделяет вассальных князей волостями и велит им на помощь «йти к себе, она же поидоста». К Изяславу Мстиславичу, отнявшему Киев у Игоря, пришел однажды «Гюргевич старейший Ростислав, роскогоравься с отцем своим, оже ему отец волости не да в Суждалискои земли». Ростислав, «поклонившись» Изяславу, молвил: «...за Рускую землю хочю страдати и подле тебе ездити». Изяслав принял «Гюргевича» и дал ему несколько городов»³.

Вассал, предавший сюзерена или не оказавший ему военной помощи, терял свою волость.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 332.

² Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 60

³ Там же.

§2. Форма правления. Органы власти и управления.

По форме правления Древнерусское государство было типичной раннефеодальной монархией. Характерными чертами этой формы правления были:

Во-первых, главой государства был великий киевский князь, выступавший сюзереном по отношению к местным князьям. Отношения сюзеренитета-вассалитета предполагали, с одной стороны, оказание военной и экономической помощи сюзерену, а, с другой – защиту вассалов от обид и посягательств, а также вознаграждение вассалов волостями.

Во-вторых, существовала система дворцово-вотчинного управления, в соответствие с которой организация личного хозяйства князя не была отделена от управления государственными делами. Всё центральное управление сосредотачивалось во дворе князя, слуги княжеского двора были чиновниками в общегосударственном масштабе.

В-третьих, система кормления, предполагавшая, что содержание чиновников на местах осуществляется за счет «кормов» с населения.

Князь. На самых ранних этапах существования Киевского государства, в так называемый предфеодальный период органы государственной власти по существу представляли собой несколько видоизмененные органы племенной власти. Племя управлялось военным вождем, военачальником, именовавшимся на Руси князем, аналогичное наименование было усвоено и главой государства.

Еще в дореволюционной литературе подчеркивалось славянское происхождение княжеской власти. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Происхождение княжеской власти доисторическое: она является и в родовых союзах (в народных свадебных обрядах князем и княгиней называются новобрачные – родоначальники будущего рода), и в общинных (у южных славян князем называется общинный старшина). В землях восточных славян княжеская власть существовала до прибытия Рюриковичей: «Кий княжаше в роде своем», т.е. в земле Полян; «По сих братьи (Кия и его братьев) держати почаша род их кня-

женье в Полях, а в Деревлях свое (княжение), а Дреговичи – свое, а Словени – свое в Новгороде, а другое в Полоте»¹.

Сходной позиции придерживается И. Малиновский: «Старинный летописец свой рассказ о начале Руси начинает сказанием о призвании князей-варягов из-за моря. Из этого не следует, что княжеская власть иноземного происхождения. Если бы это было так, то не было бы князей в русских землях до призвания варягов, а после призвания Рюрика и его братьев были бы только князья Рюриковичи. Но летописец говорит, что еще в доисторические времена в Киев, например, Кий княжаше с родом своим. Далее, во времена Игоря в Древлянской земле княжил Мал, а во времена Владимира Святого в Полоцкой земле князь Рогвольд. Писатели византийские и арабские указывают на то, что у древних славян были князья. Разыскания филологические свидетельствуют о том, что слово князь славянского происхождения и не заимствовано русскими у немцев.

Институт княжеской власти туземного происхождения; он образовался еще в доисторической древности. Были князья туземные (Мал в Древлянской земле, Тур в Туровской), были князья иностранные происхождения (Рогвольд в Полоцкой земле). Князей иностранцев призывали из чужой земли. Один из многих, вероятно, случаев такого призвания князей занесен в летописи под 862 годом»².

Киевскими князьями, естественно, были унаследованы и управленческие функции племенных вождей. Как отмечается в литературе, государственные функции первых Рюриковичей (а именно этот княжеский род фактически узурпировал власть к Киевской Руси) были несложными и состояли, как правило, в организации военных походов и сборе дани (полюдье).

Поскольку киевские князья в этот период делили власть с племенными князьями и князьями-наместниками, сидевшими в отдельных землях, их непосредственная власть распространялась на территорию Киевской земли.

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 37.

² Малиновский И. Указ. соч. С. 145.

С.В. Юшков указывает на судебные полномочия первых князей, осуществлявших суд над своими вассалами, дружинниками и челядью.

Что касается правотворческой функции князей, то в этот период, учитывая общий уровень развития культуры и письменности, вряд ли можно говорить о какой-либо специальной деятельности по созданию правовых норм. Основным источником права являлся неписанный правовой обычай, пришедший из родоплеменного строя.

Местные племенные князья, управлявшие территориями, некогда принадлежавшими отдельным славянским племенам, вероятно, выполняли сходные функции.

Интересную особенность княжеской власти в этот период отмечает М.Ф.Владимирский-Буданов. Он говорил о том, что княжеская власть имела родовую природу: власть принадлежит не лицу, а целому роду: «члены княжеского рода или соправительствоуют без раздела власти: примером из мифических времен может служить соправительство Кия, Щека и Хорива; а из исторических Аскольда и Дира. «Азь есмь роду княжа, и се есть сын Рюриков», говорил Олег в доказательство своих прав и в опровержение прав Аскольда и Дира на княжескую власть. Договор с греками заключают послы от Игоря – Ивор, от сына его Святослава – Вуефаст, от Ольги княгини – Искусеви. Родовое соправительство есть явление глубокой древности; впоследствии оно уступает место другому началу: члены княжеского рода делят между собою власть территориально (Рюрик, Синеус и Трувор; Святослав и его дети; Ярополк, Олег и Владимир)»¹.

В позднейший – феодальный - период меняются не только государственные функции, но и политический статус князя. С.В. Юшков писал о превращении князя из племенного военачальника в феодального монарха – защитника интересов крупных землевладельцев, боярства. Летопись, – указывает С.В.Юшков, – высоко ценит князей, которые свою деятельность согласовыва-

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 38

ют с дружиной, т.е. с феодальной верхушкой. Идеал феодального князя, Владимир Мономах, думу с боярством считает главной княжеской обязанностью. Князь, не согласовавший свою деятельность с руководящей феодальной верхушкой, не только рисковал быть очерненным в общественном мнении, но и рисковал своим столом, не говоря уже о возможных неудачах в задуманных им предприятиях. Дружина могла просто отказаться от службы князю¹.

Иными словами, князь приобретает собственную социальную опору в лице боярства, интересы которой он представляет и защищает.

Что касается полномочий князя в феодальный период, то заметным становится их расширение и усложнение.

Во-первых, усложняется функция военного командования. Это в первую очередь связано с изменением организационных форм русского войска и увеличением его численного состава. На место княжеской дружины, осевшей в своих земельных владениях, приходит феодальное ополчение, собираемое княжескими вассалами из подчиненных их людей.

И.Я. Фроянов отмечает, что в X веке на киевских князей по-прежнему возлагали задачи военного руководства и дипломатических сношений. Они выступали организаторами походов в чужие страны и соседние восточнославянские земли. При этом князь, как и племенной вождь предфеодальной эпохи, лично участвует в сражениях, причем в качестве предводителя, увлекающего своей личной удачей и отвагой остальную рать. «Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя главая ляжетъ, то промыслите собою», – говорил Святослав своим бойцам накануне битвы с греками. И воодушевленные «вои» отвечали: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим»². Кроме того, в обязанности князя входило обеспечение войска оружием и конями.

Во-вторых, кроме захватнических войн, киевских князьям приходится организовывать оборону Древнерусского государства, возглавляя строительство

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 335.

² Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 26.

укреплений и защитных, фортификационных сооружений. Князь контролирует защиту торговых путей, постройку дорог и мостов. Иными словами, развивается не только внешнеполитическая – военная деятельность князя, но и внутриполитическая. Князь из военачальника предфеодальной эпохи превращается в государственного деятеля.

В-третьих, расширяются судебные полномочия князя. Согласно Повести временных лет, князья осуществляли правосудие и взимали виры. Княжескому суду подлежали наиболее опасные преступления – разбой, нарушение внутреннего порядка. К XI веку «княж двор» становится основным местом для проведения судебных заседаний. Как замечает И.Я. Фроянов, «судебное разбирательство превратилось почти в повседневное занятие князя. Появился штат судебных агентов князя, занимавшихся судебным разбирательством. Но, несмотря на это, личный суд князя на Руси XI - XII вв. играл важнейшую роль в судопроизводстве. Дневное расписание Владимира Мономаха включало время, когда должен был «люди оправливати». Сам судил, по всему вероятно, и отец Мономаха Всеволод. Только на склоне лет Ярославич по немощи и болезням отошел от дел, передоверив их своим помощникам, отчего, рассказывает летописец, до людей перестала доходить «княжа правда». Согласно воззрениям изучаемого времени, князь обязан был «в правду суд судити». В летописном некрологе в связи с кончиной Всеволода Большое Гнездо отмечено, что он суд судил «истинен и нелицемерен»¹.

В-четвертых, активизируется правотворческая деятельность князей. Если в правление Игоря и Ольги появляются отдельные акты, главным образом дополняющие обычное право, но не изменяющие его (уроки, поконы, уставы), то со времени Ярослава появляются целостные правовые акты, регулирующие широкий круг общественных отношений – Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Устав Владимира Мономаха, церковные уставы и прочие.

---

¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 38

В-пятых, развивается особая – идеологическая – функция князя, связанная с поддержкой церкви и церковных учреждений. Известные нам церковные уставы Владимира, Ярослава, Мстислава наделяют церковь значительными материальными ценностями, устанавливают церковную юрисдикцию.

В-шестых, увеличивается княжеская администрация – штат дворцовых слуг и наместников, руководство которыми также становится особой функций князя. Как указывал А.Н. Филиппов, первоначально, в IX - X веках князья все делали непосредственно сами, имея лишь очень немного возле себя личных органов своей власти. Этих личных органов имеет около себя и князь XII века и, конечно, имеет их в большем, чем прежде, количестве и в разных видах, но, однако, Владимир Мономах советует князьям все делать самим, «на посадники не зря, ни на биричи». Усложнение, с течением времени, задач управления и суда, рост территории необходимо требовал создания, а затем и увеличения числа органов власти, и они уже есть частью налицо, как сказано, в это время, но идеал настоящего князя все еще требует, однако, чтоб он, либо лично функции своей власти, либо же, по крайней мере, сам непосредственно следил за выполнением их в том случае, когда он сажал, вместо себя, мужей своих, или поручал биричам объявлять свою волю и т. д.¹

Важным представляется вопрос о порядке преемства княжеского престола. Этот аспект не раз становился предметом рассмотрения в дореволюционной историографии. Традиционно отмечается два способа приобретения власти – избрание и наследование.

Так, И. Малиновский отмечал, что «княжеская власть приобреталась в древней Руси различными способами. Прежде всего она приобреталась по наследованию, при чем одновременно практиковалось и наследование по обычаю и наследование по завещанию: отец князь оставляет завещание, но в этом завещании соображается с порядком, установившимся по обычаю, а именно стар-

---

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 170.

ший стол завещает старшему сыну. Нарушение обычая считалось явлением неправомерным¹.

При этом, как поясняет М.Ф. Владимирский-Буданов, наследование здесь нужно понимать не в точном смысле: наследник получает власть не с момента смерти предшествующего князя; право на нее он приобретает с момента рождения, а действительное участие в ней с момента совершеннолетия (Игорь при Олеге; Святослав при Ольге). Смерть предшественника открывает для другого князя лишь большую степень участия во власти².

Второй способ – избрание народом (точнее правящей верхушкой). До половины XII века, – пишет И. Малиновский, – наследование и избрание обыкновенно совпадают: народ избирает того князя, который имеет наследственные права на княжеский стол; избрание укрепляет это право. Но в случае отсутствия князя в данной земле единственным способом является избрание. С половины XII века происходит конфликт между началом избрания и началом наследования. Начало избрания берет перевес; в летопись занесено много случаев, когда княжеская власть приобреталась исключительно вследствие народного избрания. Если народу принадлежит право избрания князя, то ему же принадлежит и право его смещения. Народ, недовольный князем, указывал ему «путь чист», т.е. предлагал оставить княжеский стол³.

С.В. Юшков называет в качестве способа усвоения власти захват столов силой, имевший место в политической действительности Древнерусского государства.

При наследовании действовал принцип старшинства, когда престол занимал старший брат, а затем основным становится принцип отчины, предполагавший передачу власти старшему сыну.

Совет при князе. Деятельность любого монарха невозможна без содействия совещательных органов. Это и Ближняя Дума Ивана IV, и Сенат Петра I

---

¹ Малиновский И. Указ. соч. С. 147.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 38

³ Малиновский И. Указ. соч. С. 147.

и прочие. Первые киевские князья, как и ранее правители племен, безусловно, опирались при принятии тех или иных решений на совет наиболее близких им людей. Таковыми, по мнению С.В. Юшкова, в предфеодальный период могли быть влиятельные дружинники и представители родоплеменной знати, называвшиеся старцами градскими.

Естественно, что точно установить персональный состав, компетенцию, регулярность созыва такого совета в указанный период невозможно. Немногие источники свидетельствуют лишь о том, что, например, Владимир совещался с боярами и старцами.

Недостаток фактических данных, освещающих работу совета при князе, обусловил дискуссионность этого вопроса в исторической и историко-правовой литературе. Еще дореволюционные исследователи высказывали на этот счет две противоположные точки зрения. Одни авторы полагали, что в Древнерусском государстве существовал постоянно действующий совещательный орган при князе с определенной компетенцией и составом. М.Ф. Владимирский-Буданов называл такой совет Боярской Думой: «Боярскою думою называется постоянный совет лучших людей (бояр) каждой земли, решающий (вместе с князем) высшие земские вопросы. Такой совет мог быть только в одном старшем городе земли». Заседания Боярской думы, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, проходили ежедневно и совещания с ней были для князя обязательными. При этом автор признавал, что наименование «боярская дума» не встречается в древних памятниках и образовано искусственно на основании сходных терминов («бояре думающие»)¹.

И. Малиновский, присоединяясь к точке зрения М.Ф. Владимирского-Буданова, приводил следующие аргументы: «Совещание князей с боярами – явление, постоянно повторяющееся. Это бесспорно. Это признают все исследователи нашей старины. Мало того. Это явление правомерное, предписанное нормами обычного права. По юридическим воззрениям того времени, князь

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 45

обязан был совещаться с боярами. Такое юридическое воззрение высказывает от своего имени летописец и другие современники, в словах которых мы слышим голос общественного мнения. Такое юридическое воззрение разделяется князьями. Наконец, такими воззрениями проникнуты и бояре. Если так, то необходимо признать, что боярская дума постоянное учреждение. Далее, обильные факты, сообщаемые летописью и другими памятниками, свидетельствуют о том, что дума обсуждает все вопросы верховного управления. Значит, дума – орган верховного управления, думе принадлежит верховная власть»¹.

А.Н. Филиппов также считал, что «около князей с первых времен появления их у нас, всегда стоял особый Совет, состоявший главным образом из старших дружинников». Однако указанный автор полагал, что правильнее называть такой совет не Боярской, а Княжеской Думой, поскольку, во-первых, эта Дума во многом не похожа на Думу, существовавшую при московских князьях и называемую Боярской, во-вторых, обычно в это время не боярин был советником князя, а князь муж, старший дружинник, и, в-третьих, самым характерным в этой Думе было то, что она являлась необходимым Советом при князе, была Княжескою Думою, или его Советом².

В современной науке приведенная позиция поддержана Л.Е. Лаптевой, полагающей, что совет при князе был постоянно действующим органом власти, заседавшим ежедневно, обычно во дворе князя³.

Противоположная точка зрения высказывалась В.И. Сергеевичем, отрицавшим наличие в Древнерусском государстве Боярской Думы как особого учреждения. В.И. Сергеевич подчеркивал, что существование княжеской думы с древнейших времен нашей истории не подлежит ни малейшему сомнению. Памятники постоянно говорят о думе князей с мужами, боярами, духовенством, городскими старцами и т.д. Но тут же задается вопросом: как понимать эти

---

¹ Малиновский И. Указ. соч. С. 150.

² Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 191.

³ История отечественного государства и права: учебник / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов. – М.: Юрайт, 2011. - С. 37.

свидетельства памятников? Была ли княжеская дума постоянным учреждением, с более или менее определенным составом и компетенцией, или это только акт думания, действие советования князя с людьми, которым он доверяет?

В своей работе автор склоняется в пользу второго понимания княжеской думы, утверждая, что в древних памятниках слово «дума» употребляется в значении мысли, намерения, плана действия. Тогда как создание особого совещательного учреждения при князе было не в духе и не в средствах X, XI, XII, XIII вв.»¹. В первые века нашей истории, – пишет В.И. Сергеевич, – народ призывал князя, ему лично вручал он власть и знал только его. Князю, конечно, были нужны помощники и советники в делах управления, но это было делом его личных удобств. Можно ли допустить, что при той неустойчивости государственной жизни, какую мы наблюдаем в этой отдаленной древности, при частой смене князей и постоянном колебании состава окружающих их лиц было возможно прийти к мысли об учреждении постоянного совета? Полагаем, что это было и невозможно, а для князя и совершенно не нужно, ибо без всякой надобности стесняло бы его деятельность. Крайне неустойчивая почва государственной жизни была лишена необходимых условий для возникновения постоянного княжеского совета; цели же несложного управления того времени хорошо достигались и при наличии отдельных советников или «думцев», недостатка в которых, конечно, не было»².

В советский период сходных взглядов придерживался С.В. Юшков, с аргументами которого можно согласиться. Так, очевидно, следует признать точным наблюдение С.В. Юшкова, что тщательный анализ всех относящихся летописных и юридических памятников об основном органе, направляющем деятельность князя, свидетельствует об отсутствии особого учреждения в Киевском государстве, которое действовало бы независимо от князя и ему противопоставлялось.

---

¹Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т.2. Вече и князь. – СПб., 1893 (типография М. М.Стасюлевича). - С. 372.

² Там же.

Как справедливо замечает С.В. Юшков, не было даже особого названия - «Боярская дума», «Княжеская дума». А это уже само по себе наводит на мысль об отсутствии соответствующего учреждения. Если бы Боярская или Княжеская дума действительно была бы особым органом власти, то это название должно было упоминаться в летописях и других актах. Однако летопись ничего не говорит об организации и деятельности Боярской думы, ее личном составе, не освещаются события, с нею связанные. Не дошел до нас ни один правовой акт, который можно был бы считать результатом ее правотворческой или законосовещательной деятельности. Летопись и другие памятники говорят только о совете бояр, о совете с боярами, о совете с дружиной, о совете дружины и т.д.¹

Основным доводом против существования Боярской думы как особого учреждения в большинстве русских земель XII в. С.В. Юшков считает отсутствие необходимости в таком государственном органе. Князь не нуждался в особой Боярской думе потому, что у него был нормальный, постоянно действующий совет – его дружина, с членами которой он совещался и военное, и в мирное время².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что совет при князе не был постоянно действующим органом власти, противопоставляемым князю. Напротив, в него входило ближайшее окружение князя, к помощи, советам которого он мог обратиться в любой момент, когда это требовалось. Соответственно этому самостоятельной, отличной от княжеской, компетенцией совет, вероятно, не обладал. Он обсуждал только те вопросы, которые ставил перед ним князь. Скорее всего, это были вопросы войны и мира, заключение международных и вассальных договоров, введение новых податей и изменение размера прежних, принятие правовых актов и другие важные моменты жизни древнерусского общества. Аналогичным образом может быть решена проблема численного и персонального состава совета – число членов зависело от важности принимаемого

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 341.

² Там же. С. 342.

решения, характера обсуждаемых вопросов. Персональный состав совета в феодальный период, был представлен феодальной верхушкой – боярством, а затем и дворцовыми слугами – министрами.

Вече. Вече, согласно принятому в отечественной историографии подходу, представляет собой народное собрание, на котором обсуждаются и разрешаются какие-либо государственно-важные дела. Вечевой строй относится к демократическим элементам Древнерусской государственности, характеризуя ее генетическую связь с родоплеменным строем.

Вече как один из древнейших институтов власти, первоначально представлял собой племенную сходку восточных славян. По данным византийских историков (в частности, Прокопия Кесарийского) народные собрания были основной организационной формой управления в антском обществе.

Летописные источники более позднего периода, свидетельствуя о созыве в Киевском государстве вечевых собраний для решения тех или иных вопросов, дают основание предположить, что вече сохраняло свое значение и в условиях развитой государственности.

Проблема социальной сущности и политической роли вечевых собраний в Древнерусском государстве является одной из самых дискуссионных в исторической и историко-правовой науке. Отечественная историография выработала множество подходов к ее решению. Дискуссионность проблемы во многом обусловлена состоянием источников, находящихся в нашем распоряжении. Летописные упоминания о вечевых собраниях предфеодального и феодального периода отличаются краткостью и нечеткостью, а также несут на себе печать конъюнктуры, политического и правового сознания летописцев.

Во-первых, споры вызывает территориальная распространенность и политическое значение вече.

Так, ряд авторов полагают, что вече было непрерывно существовавшим на протяжении IX-XII вв. органом государственной власти, имевшем одинаковое значение на всей территории Киевской Руси. Такой позиции придерживался, в

частности, В.И. Сергеевич. При этом, как полагал указанный автор, в летописях говорится о вече не только в прямой форме, но и всякий раз, когда упоминаются те или иные совместные действия горожан (киевлян, новгородцев, владимирцев и т.д.), участие народа в общественных делах, совещание горожан, собрание горожан в чрезвычайных обстоятельствах. Сущность веча не менялась со временем, так же как одинаковым было его значение в разных землях.

Несколько иную точку зрения высказывал А.Д. Градовский, который, признавая повсеместное распространение веча, тем не менее подчеркивал неравноценность политического значения веча в различных городах: «В одних городах вече было верховною властью и действовало постоянно, в других проявлялось лишь в чрезвычайных случаях; право же вечевых собраний было для всех городов одинаково»¹.

В советской литературе мысль о всеобщем характере веча проводил М.Н.Покровский, считая, что вечевые собрания стали специфической особенностью отдельных городов (т.е. исключением из общего правила) лишь тогда, когда само правило уже вымирало².

Другая группа авторов обосновывает неустойчивость политического значения веча. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов выделяет три периода в истории веча. Первая эпоха – это вече глубокой древности – племенная сходка, но еще не орган государственной власти в собственном смысле. Второй период – это переход от племенного собрания к городскому собранию, которое объединяет лучших людей всей земли, обсуждающих земские вопросы в присутствии граждан данного города. Третья эпоха – образование веча как органа государственной власти³.

Б.Д. Греков указывал, что вече является древним институтом, ведущим свое начало от родового строя. Однако с возникновением Киевского государст-

---

¹ Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 1.. - СПб., 1899 (типография М. М. Стасюлевича). – С. 345.

² Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4 книгах. Книга 1. Русская история с древнейших времен. - М.: Мысль. - С. 146.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 53.

ва вече теряет свою роль в государственном механизме. Князь обладал достаточно сильной властью, позволявшей ему самостоятельно принимать решения. Поэтому ни в X, ни в XI в. вече практически не созывается, за исключением чрезвычайных случаев. Между тем со второй половины XI века вечевой строй вновь входит в практику государственно-правовой жизни. Б.Д. Греков связывает это с феодальной раздробленностью и усилением крупных городов и их населения¹.

Третья позиция по этому вопросу представлена С.В. Юшковым. Он пишет о том, что вече представляло собой народное собрание, прообразом которого была племенная сходка. Уже в X веке вече было органом государственной власти, хотя и сохраняло ряд организационных черт прежних племенных сходок. Созыв вече был событием неординарным, а потому там обсуждались не повседневные вопросы, а лишь наиболее важные дела. Значение веча возрастало в городах, где по тем или иным причинам отсутствовал князь, или власть его слабела, особенно это ощущалось в моменты военной угрозы, как, например, в 997 году в Белгороде. Хотя вече не прекращало своей деятельности в XI и XII веке, однако по мере развития феодализма в Древнерусском государстве, оно собиралось все реже и реже, и к XIII-XIV веку должно было окончательно исчезнуть².

Последняя точка зрения представляется нам наиболее точной и подтвержденной фактами. В частности, И.Я. Фроянов приводит достаточное количество летописных фрагментов, свидетельствующих о непрерывной деятельности веча в X, XI и XII вв.³

Во-вторых, спорен социальный состав веча. Одни авторы считают вече собранием широких народных масс. Так, подобную мысль высказывал М.Ф.Владимирский-Буданов, полагая, что вече как государственный орган

---

¹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 225.

² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 103-104, 347

³ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 164-167.

представляет собой собрание полноправных граждан старшего города земли¹. В.О. Ключевский также писал, что на вече собиралась вся городская масса².

В советский период такой взгляд развивал Б.Д. Греков, считая, что купцы и ремесленники были самостоятельной политической силой, возродившей вече³.

Иные авторы утверждают, что реальной социальной силой вечевых собраний были прежде всего представители феодальной верхушки, которые направляли работу вече, влияли на принятое им решение.

Такого подхода придерживался, в частности, С.В. Юшков, указывавший, что всякого рода совещания, проходившие в городах – центрах феодального общества – хотя состояли из купцов и ремесленников могли претендовать на какое-либо значение только в том случае, если направлялись основными феодальными группами или руководящей феодальной верхушкой.

Более того, как подчеркивает С.В. Юшков, ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо действительное политическое значение, основной социальной силой не могла быть демократическая прослойка города – мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и т.п. Если бы подобного рода совещания были, и если бы этим элементам и удалось навязать свою волю феодальной знати, то она нашла бы возможность эти решения аннулировать⁴.

Сходной точки зрения придерживаются и В.Т. Пашуто и П.П. Толочко, в представлении которых вече выражало власть землевладельцев и других привилегированных собственников⁵.

Возражая вышеназванным авторам, И.Я. Фроянов напоминает о том, что в древности народные собрания не проходили без участия племенной знати. Аналогичным образом и в Киевской Руси непременными участниками вече бы-

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 52.

² Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. - М.: Мысль, 1987. - С. 229.

³ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 222

⁴ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 351.

⁵ Пашуто В. Т. О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. – М., 1962. – С. 181-191; Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. – М., 1972. – С. 125-143.

ли представители верхних слоев общества: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Нередко они руководили вечевыми собраниями. Но руководить и господствовать, – подчеркивает И.Я. Фроянов, – не одно и то же. В этой связи наличие руководителей на вечевых собраниях нельзя рассматривать как признак отсутствия свободного волеизъявления народа. Древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения веча и саботирования его решений¹.

На наш взгляд, вече, хотя и восходило к институтам племенной власти, тем не менее существовало в условиях развитого феодального общества. Дошедшие до нас летописные источники позволяют предположить, что единственным условием сохранения подобного органа широкого народного представительства в феодальном обществе может быть только направляющая и контролирующая роль правящей верхушкой.

Подчеркивая важнейшую роль феодалов в организации веча, тем не менее следует подробнее сказать о социальном статусе большинства его участников. Иными словами, возникает вопрос: кто мог принимать участие в вечевых собраниях? Большинство авторов сходится на том, что участниками вечевых сходов могли быть взрослые, свободные и полноправные мужчины.

М.Ф. Владимирский-Буданов, в частности, отмечает, что в вечевом собрании имеют право участвовать лишь полноправные граждане, т.е. мужи свободные, совершеннолетние и не подчиненные семейной власти².

И. Малиновский также указывает, что не все поголовно жители города имеют право участвовать в вечевом собрании. Такое право принадлежит свободному мужскому населению города; женщины, дети, холопы и закупы не были членами вечевых собраний³.

Причем, как правило, вече состояло из жителей города, хотя иногда в нем могло участвовать и население пригородов. Так, И. Малиновский по этому по-

---

¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 184.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 56.

³ Малиновский И. Указ. соч. С. 148.

воду пишет: «Действительное участие в вечевых собраниях принимают жители старшего города; жители пригородов и волостей только случайно могут быть на вече, хотя имеют право на это». Чем может быть объяснен такой порядок? Указанный автор полагает, что жители старшего города считаются естественными представителями всего народа, поскольку, во-первых, старший город был более древнего происхождения, нежели остальные поселения; во-вторых, старший город – укрепленное место, дающее защиту жителям пригородов и волостей в случае нападения врагов; в-третьих, старший город – религиозный центр: в древности здесь были священные рощи, священные холмы, позже, в христианскую эпоху, общерусские храмы¹.

Что касается компетенции веча, то она вызывает несколько меньше споров и разногласий в науке. Как правило, вече созывалось для решения наиболее важных и чрезвычайных вопросов: войны и мира, замещения княжеского престола, сбора денежных средств для особых нужд, назначения или смещения должностных лиц и прочих.

Как отмечается, вече могло выполнять и судебные функции по наиболее важным уголовным делам².

Вече могло созываться по инициативе князя либо группы влиятельных горожан. Нередко для созыва веча использовали специальный – вечевой – колокол, либо созыв веча осуществлялся биричами (глашатаями). В таких крупных политических центрах, как Киев и Новгород, предусматривались специальные места для проведения собраний. Например, в Новгороде – это был Ярослав двор. Однако, как замечает, А.Н. Филиппов, как по отношению ко времени вечевых собраний, так и по отношению к месту их созыва, нельзя утверждать ничего точно-определенного: если и были излюбленные места вечевых собраний, то весьма нередки были случаи созыва веча в любом месте, особенно, когда граждане сразу и одновременно созывались на два, на три веча в одном и

---

¹ Малиновский И. Указ. соч. С. 148.

² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 360.

том же городе, что бывало, когда предстоящие к обсуждению вопросы возбуждали страстные разногласия¹.

С.В. Юшков в качестве характерной черты вечевых собраний называет особый порядок принятия на них решений. Решения на вече принимались не большинством голосов, а единогласно².

Таким образом, вече Древнерусского государства предстает особым архаичным органом власти, отличавшимся нерегулярностью и чрезвычайностью созывов, четко не установленной компетенцией и весьма широким составом участников.

Феодалные съезды. В государственном механизме Древнерусского государства особую роль играли так называемые феодалные съезды. Князь был не просто главой Древнерусского государства, он был первым среди феодалов, главным сюзереном в сложной иерархии вассальных отношений. Нередко, принимая наиболее важные решения, князь вынужден был совещаться не только с наиболее близкими ему боярами, т.е. советом при князе, но и привлекать более широкий круг феодалов. Для этого, вероятно, и созывались феодалные съезды.

В дореволюционной историографии такие съезды нередко назывались княжескими, поскольку считалось, что основными их участниками являются князья – главы суверенных государств, входящих в Киевское государство. Однако современные исследователи утверждают, что контингент таких съездов мог быть более широким. В них могли принимать участие и бояре, и дружинники, и духовенство. Очевидно, состав съездов менялся по мере развития феодалных отношений. Широкое представительство на съезде обеспечивало авторитетность принятых на нем решений.

Компетенция подобных съездов, как впрочем, и иных органов государственной власти, в рассматриваемый период не была четко определена. Вероятно, съезды созывались для обсуждения важнейших с политической и экономиче-

---

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 156.

² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства С. 359.

ской точки зрения вопросов: войны и мира, внешней и внутренней торговли, защиты границ, смещение и избрание князей и т.п. Как отмечает С.В. Юшков, на одном из таких съездов была принята Правда Ярославичей.

С.В. Юшков полагает, что феодальные съезды могли проводиться как в масштабе всего Киевского государства, так и отдельных его частей. Имели место и межкняжеские съезды. Так, указанный автор приводит в качестве примера съезд владимирцев и переяславцев, направленный против Ярополка¹.

Установить периодичность съездов и регламент их работы, исходя из имеющихся летописных сведений, не представляется возможным. Скорее всего, они созывались по мере необходимости князем или влиятельной феодальной группировкой.

Исполнение решений съезда, вероятно, не предполагало какой-либо особой процедуры или специальных органов. Реализация постановлений съезда зависела от добровольного принятия на себя его участниками тех или иных обязанностей. Впрочем, С.В. Юшков приводит данные, свидетельствующие о случаях отказа от установленных договоренностей: «И тако совокупившеся вси князи русские пойдоша по Днепру, нелзе бо бяшетъ инде ити, бе бо снег велик. И дойдоша до Снепорода и ту изимаша сторожи половецкые и поведаша вежи и стада половецкая у Голубого леса. Ярославу же не любо бысть далее пойти, и поча молвити брагу Святославу: «Не могу ити дале от Днепра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглась». Рюрик же посла ко Ярославу и рече ему: «брате! тебе было не лепо измясти нам...» И бысть межи ими распря. Рюрик же много понуживая их и не може их повести. Святослав же, хоте итти с Рюриком, но не оста брата Ярослава. И возвратишася во свои»².

Центральные и местные органы управления. Как и любой правитель, киевский князь в делах повседневного управления не мог обойтись без помощников. Если на ранних этапах существования Древнерусского государства го-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 362.

² Цит. по Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С.363.

ворить о каких-либо специальных органах управления вряд ли возможно (помощниками князя были, как правила, его дружинники), то в более поздние периоды происходит специализация, выделение особых управленческих кадров.

Органы управления Древнерусского государства исследовались как в до-революционной, так и в современной литературе. В науке традиционно отмечается двойственный характер органов управления Киевской Руси, сочетающих в себе черты десятичной и дворцово-вотчинной системы.

Наиболее древней по происхождению системой управления признается десятичная, включавшая себя административные должности тысяцкого, сотского и десятского.

М.Ф. Владимирский-Буданов относил ее возникновение ко времени великого переселения народов, называя ее земской, т.е. докняжеской: «Система земского управления (более древняя, чем княжеская) построена по численному (математическому) делению общества: как целое государство составляло тысячу, а старшие города и провинции делились на сотни и десятки, так центральным правителем был тысяцкий, а подчиненные ему – сотские и десятские. Происхождение должности тысяцкого – доисторическое; можно принять гипотезу о том, что тысяцкие заменили прежних племенных князей». При этом первоначально народные тысяцкие совершенно противопоставлялись тысяцким и посадникам княжеским¹.

А.Е. Пресняков на основе исследования новгородских летописей сделал вывод о том, что тысяцкие и сотские являются княжескими должностными лицами. Так, сотни с момента своего возникновения выполняли функции судебно-административных учреждений по отношению к торгово-промышленным элементам города – купцам и ремесленникам².

Однако большинством авторов подчеркивается военное происхождение десятичной системы.

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 77.

² Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий. – СПб., 1909 (типография М.А.Александрова). – С. 190

Подробно исследовал указанный вопрос С.В. Юшков. Он предположил, что должности тысяцкого, сотского и десятского являлись звеньями единой системы военного устройства, ведущей свое начало от периода военной демократии. Тысячи, сотни и десятки, первоначально являвшиеся единицами славянского войска, при завоевании племенных территорий превратились в укрепленные городские гарнизоны – тысячи были расставлены в крупных племенных центрах, сотни – в меньших городах.

Тысяцкие и сотские, оседая в городах (только в городах могли находиться военные гарнизоны), по мере укрепления власти киевского князя приобретают военно-административные полномочия: подавление восстаний, помощь при сборе дани, охрана порядка и т. п.¹

Иными словами, тысяцкие и сотские из командующих военными отрядами постепенно трансформируются в территориально-административных должностных лиц. Соответственно этому тысяча утрачивает свое военное значение и становится территориальным округом, возглавляемым тысяцким. Сотские, изначально являвшиеся военными подчиненными тысяцких, получают судебнопольцейские и финансовые полномочия. Интересно, что источники XI века, относящиеся к Киеву, уже не упоминают сотен, говоря лишь о сотских. В то время как в Новгороде сотни сохранились в форме торгово-промышленных корпораций.

Десятичная система постепенно вытеснялась более поздней по времени возникновения – дворцово-вотчинной системой управления.

Сущность дворцово-вотчинной системы управления заключается в совмещении должностей государственного управления и управления частными делами княжеского двора.

Двор князя был не просто частной резиденцией главы государства, сюда сходились все нити государственного управления. Именно здесь находись дру-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 107.

жинники и княжеские слуги, непосредственно осуществлявшие административные функции.

Как отмечает С.В. Юшков, управленческая деятельность князя первоначально осуществлялась совместно с дружиной. Реализация принятых решений также обеспечивалась дружинниками – членами старшей и младшей дружины. Однако по мере «оседания» дружинников на земле, превращения их в феодалов-землевладельцев, контингент дворцовых слуг стал пополняться за счет княжеских холопов - тиунов¹.

Расширение сфер управления, появление новых административных функций, общее усложнение организационной деятельности приводит к увеличению числа дворцовых слуг и специализации выполняемых ими обязанностей.

Источники называют следующие дворцовые должности: огнищный тиун, тиун конюший, мечники и прочие. С.В. Юшков указывал, что среди дворцовых слуг начинают выделяться наиболее влиятельные лица, обладавшие собственным домом, хозяйством и стремившиеся передать свои должности по наследству².

Постепенно дворцовые должности перерастают в дворцовые чины, носители которых возглавляли отдельные отрасли дворцового управления. Наиболее значимым был чин дворского (или дворецкого), руководившего всем княжеским хозяйством. Не менее важным дворцовым чином был чин воеводы, возглавлявшего вооруженные силы Древнерусского государства. Кроме того, в условиях, когда основной ударной силой было конное войско, серьезную роль при дворе играл и чин конюшего, снабжавшего княжеский двор конным составом.

При численной (десятичной) системе управления Древнерусское государство не знало деления органов на центральные и местные. Такая дифференциация появляется только по мере формирования дворцово-вотчинной системы управления.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 369.

² Там же. С. 370.

Органами местного управления становятся посадники и волостели. Посадники направлялись в города, а волостели – соответственно в волости.

Как писал по этому поводу А.Н. Филиппов, «волостель в волости – тоже, что посадник в городе; противоположность города и волости, как провинции, сказавшаяся очень рано, вызвала необходимость создавая этих двух должностей. Во всех городах, кроме стольных, где живет сам князь, есть посадники, во всех волостях – волостели, как лица, которым поручалось управление в данном уезде; волостель живет в главном поселении своей волости – погосте, разъезжая по волости для отправления своих обязанностей. Города и волости делятся, в свою очередь, на мелкие административные единицы – сотня, потуга и погосты, которыми заведуют сотские и старосты»¹.

Компетенция их была чрезвычайно широка. Фактически, они были полновластными представителями киевского князя на местах, осуществлявшими и судебные, и полицейские, и финансовые полномочия. Содержание им обеспечивали так называемые кормы, т.е. поборы с населения и отчисления из собранной с населения дани.

Подводя итог рассмотренным в настоящей главе вопросам, следует сказать, что Древнерусское государство в предфеодалный период своего существования представляло собой комплекс бывших племенных княжений и княжений-наместничеств, связанных с центром отношениями сюзеренитавассалитета. В феодальный период в Киевской Руси в результате деления территории между сыновьями великого князя начинает складываться удельная система.

На протяжении всей своей истории Древнерусское государство было раннефеодальной монархией, во главе которой стоял великий киевский князь. Непосредственную помощь в осуществлении власти князю оказывали его дружинники, бояре, духовенство, объединенные в княжеский совет. В чрезвычайных случаях при необходимости получить поддержку широких народных масс

---

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 233.

могло созываться вече, участие в котором принимали полноправные свободные мужчины. Однако ведущую роль на вечевых собраниях играла феодальная знать.

Непосредственное управление государством осуществляли дворцовые слуги, сочетавшие выполнение административных функций в масштабах всего государства с организацией частного хозяйства князя.

ГЛАВА 4. ДРЕВНЕРУССКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО

§1. Источники права.

Обычное право. Связь права и государства носит функциональный характер, т.е. каждое из этих явлений не может нормально функционировать в отсутствии другого, функциональная активность одного из них обеспечивается функцией другого. Поэтому, естественно, что древнерусское право начинает складываться по мере формирования и развития Древнерусского государства, отражая основные моменты этого процесса.

История древнерусского права начинается с обычного права. Правовой обычай как сложившееся в повседневной практике правило поведения, признанное государством, является наиболее древним источником русского, как впрочем, и всякого иного права.

Первые термины, используемые славянами для обозначения правовых норм: «правда», «норов», «обычай», «преданье», «пошлина» (то, что «пошло» – общепринято издавна), «покон» и «закон», по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, относятся именно к обычному праву.

Истоки обычного права славян уходят в эпоху родоплеменного строя. Нормы, ставшие с появлением государства правовыми, изначально носили иной – родовой характер. Этот факт подчеркивался еще в дореволюционной историографии. В частности, А.Н. Филиппов писал, что «в незапамятные, доисторические еще времена стали слагаться эти обычаи и обряды в тех союзах людей, которые предшествовали образованию государства»¹.

Иными словами, русские правовые обычаи, зародившиеся в глубокой древности и имевшие исконно славянское происхождение, вполне опровергают положения норманистов о скандинавских корнях древнерусского права.

Обращаясь к проблеме формирования правового обычая, его происхождения, М.Ф. Владимирский-Буданов оспаривает распространенную в литературе точку зрения, согласно которой обычай формируется в силу простого под-

---

¹ Филиппов А.Н. Указ. соч. С. 68.

ражания авторитету. Иными словами, более энергичское лицо поступает так, как ему хочется, а другие повторяют за ним из пассивной подражательности; со временем образуется привычка поступать так, а не иначе, а затем появляется соответствующий обычай.

Как верно отмечает указанный автор, таким образом в основу права был бы положен произвол, т.е. отрицание права. Кроме того, приведенная схема опровергается уже тем, что обычаи разных народов разделенных пространством и временем (не имевших никакой возможности подражать один другому), сходны, а часто и тождественны.

Здесь достаточно привести в качестве примера кровную месть, существовавшую в том или ином виде у многих народов.

М.Ф. Владимирский-Буданов, на наш взгляд, верно указывает на инстинктивную природу первых правовых обычаев: право на первой ступени является чувством (инстинктом); такова месть, защита детей родителями и обратно; таково первоначальное право владения. Все поступают одинаково не в силу подражания одному, а одновременно и повсюду, в силу действия одинакового чувства.

Однако со временем неосознаваемое инстинктивное поведение освещается и закрепляется в общественной памяти сознанием, понимаем необходимости, полезности тех или иных действий: то, что *есть* (факт) превращается в то, что должно быть (право).

Таким образом, привычка лишь укрепляет действие однообразных норм, а не создает¹.

Интересно отметить свойства обычного права, подробно рассмотренные в дореволюционной литературе. Так, в числе указанных свойств называются следующие. Во-первых, обычное право обладало двойной обязательностью: внутренней и внешней, т.е. право измерялось не одной личной совестью и сознанием права.

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 88

Во-вторых, для сообщения праву внешней обязательной силы ему придавалось религиозное значение, т.е. происхождение обязательных норм возводится к самому божеству.

В-третьих, обычное право считалось прирожденным для того или иного племени или народа (например, «русская правда»), поэтому каждый даже в чужом государстве стремился сохранить за собою свои исконные права.

В-четвертых, обычное право, передаваемое традицией, повторением, высшей степени консервативно: поступать по старине «равносильно поступать по праву».

В-пятых, как право, не выраженное в твердой (письменной) форме, обычное право вместе с тем было способно изменяться вслед за общественными отношениями¹.

Древнерусское обычное право было устным. Определить его точное содержание, время возникновения и ареал распространения не представляется возможным. Отголоски его норм доходят до нас лишь в виде отдельных пословиц, поговорок, символических действий, ссылок в более поздних правовых актах (как например, ссылки на Закон Русский в договорах Руси с Византией).

Договоры Руси с Византией. Хотя, как было указано, правовые обычаи древних славян до нас в чистом виде не дошли, тем не менее имеется ряд правовых актов, при создании которых указанные обычаи, очевидно, имелись в виду. Здесь в первую очередь следует указать на договоры Руси с Византией.

Традиционно в учебной литературе указывается на четыре таких договора: 907 г., 911 г., 945 г. и 972 г., которые знаменовали окончание военных походов Олега, Игоря и Святослава соответственно. Между тем, природа, содержание и подлинность этих договоров вызывали в научной литературе серьезные дискуссии.

Ряд авторов (например, Шлецер, Виноградов, Каченовский) доказывали подложность всех русско-византийских договоров на том основании, что, во-

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 90.

первых, в византийских источниках не содержится каких-либо упоминаний о походах славян на Константинополь, а, во-вторых, договоры подписаны от имени трех императоров – Льва, Александра и Константина, которые одновременно править не могли. Указанные доводы были опровергнуты еще в дореволюционной литературе, поэтому современной наукой, как общее правило, признается подлинность русско-византийских договоров.

Однако до настоящего времени сомнения вызывает существование договора 907 года. Дело в том, что этот договор дошел до нас не в виде цельного документа, а как летописный пересказ. В этой связи некоторые исследователи полагали, что договор 907 года представляет собой случайно выхваченную летописцем часть договора 911 года. Как предполагает М.Д. Приселков, а вслед за ним и В.В. Мавродин, Нестор при составлении «Повести временных лет» получил доступ к княжеской казне, в которой хранились и русско-византийские договоры. Очевидно, договор 911 года мог быть поврежден, разорван на несколько частей, одну из которых Нестор и принял за договор 907 года¹.

С.В. Юшков также считал, что самостоятельного договора 907 года не было, имело место лишь соглашение о мире и выплате контрибуций. Как указывается, греки добивались скорейшего ухода славян со своей территории и с этой целью выплатили им выкуп, не заключая договора. С.В. Юшков видит в договоре 907 года следы нескольких актов, в том числе договора 911 и 945 года².

В.И. Сергеевич, возражая против самостоятельности договора 907 года, отмечал наличие в нем ограничительных для славян условий, явно противоречащих условиям и результатам похода 907 года. «Можно ли допустить что в 907 году, – пишет В.С. Сергеевич, – когда русские полчища стояли еще у ворот Константинополя, греки нашли удобным вести с предводителями, переговоры с целью ограничить русских купцов? Предложение таких ограничительных статей победителю, который еще занимал греческую территорию, представляется

---

¹Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. - Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1945. - С. 228.

²Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 83.

мало вероятным. Трудно думать, что греки повели речь о порядке приезда руси в Грецию, об остановке их у св. Мамы, о входе в город после описи в числе 500 человек, не более, и при том одними воротами, без оружие и с царевым мужем, – в то самое время когда множество (по счислению летописца до 80000) варягов, славян, чюди, кривичей и др. стояло под самым городом и предавалось, по обыкновению, всяческим насилиям и грабежу. Все, чего могли добиваться греки, это – скорейшего удаления воинов Олега с их территории»¹.

Договоры содержали нормы различной отраслевой принадлежности: главным образом нормы гражданского и уголовного права, которые регулировали поведение русских, находящихся в Византии. Наиболее содержательным с юридической точки зрения был договор 911 года, заключенный после успешного похода Олега. Он предусматривал обязанность русских возвращать имущество греков, потерпевших кораблекрушение, обязательства взаимного выкупа и возвращения на родину рабов и пленных, выдачу преступников, право русских поступать на службу к византийскому императору, ряд норм об уголовных наказаниях (за убийство, имущественные преступления и причинение вреда здоровью), ряд норм наследственного права.

Последующие договоры – 945 и 972 гг., заключенные после неудачных походов Игоря и Святослава, были значительно беднее содержанием. Договор 945 года, по существу, представляет собой переработанный договор 911 года с ограничениями, установленными для русской стороны. Договор 972 года ограничивается лишь клятвой Святослава в вечном мире с греками².

Некоторые споры в науке вызывает национальная принадлежность содержащихся в договорах норм. Если одни авторы (например, В.И. Сергеевич) утверждали, что в договорах отражено греческое право, то другие (к примеру, Д.Я. Самоквасов) настаивали на чисто славянской природе этих норм. Третья точка зрения была выражена Г.Ф. Шершеневичем, считавшим, что нормы рус-

---

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1910 (типография М. М. Стасюлевича). – С. 618.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.91,92.

ско-византийских договоров представляют собой международное право. Очевидно, следует согласиться с С.В. Юшковым в том, что ни одна из представленных позиций не отражает истины. Вряд ли в рассматриваемый период могло сложиться международное право. Русско-византийские договоры содержат как компромисс нормы и греческого, и русского права¹.

Договоры были составлены в двух экземплярах: один – на греческом языке, другой – на славянском.

Княжеское законодательство. Церковные уставы. Развитие феодализма, укрепление государственной власти и расширение княжеской юрисдикции вызвали необходимость интенсификации правотворческой деятельности князя. Сложившиеся в древности правовые обычаи мало удовлетворяли потребностям феодального общества, нуждаясь в изменении или даже отмене. Результатом правотворческой работы князей были различные акты, как правило, носившие форму уставов, часть из которых вошла затем в Русскую Правду.

Особое значение имели церковные уставы, регулировавшие отношения церкви и государства. Наиболее ценными с позиции юридического содержания являются Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных и Устав князя Ярослава о церковных судах.

Первый из названных актов устанавливает правовую основу церковных доходов, предусматривая передачу церкви десятины, т.е. десятой части различных поступлений в княжескую казну: от судебных и торговых пошлин, от княжих домов, стад, урожаев с княжеских полей и пр. Кроме того, на церковь возлагался надзор за торговыми весами и мерами с правом получения соответствующих доходов от этой деятельности.

Особое значение имели те положения Устава, в которых очерчивается юрисдикция церковных судов. Подсудность дел церковным судам определяется двояким образом.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 84.

Во-первых, устанавливалась категория дел, по которым церковь осуществляла правосудие над всем населением Древнерусского государства. Так, церковными судами рассматривались все преступления против христианской веры, преступления, связанные с нарушением церковных правил, преступления против нравственности и половой неприкосновенности, а также семейные и наследственные дела.

Во-вторых, определялся круг субъектов, все дела с участием которых были подсудны церковным судам: «игумен, игумения, (поп, попадьа), поповичеве, чернец, черница, дьякон, дьяконова, проскурница, пономарь, вдовица, калика, стороник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк, и вси причетники церковнии».

Устав князя Владимира дошел до нас в большом количестве списков, значительно разнящихся по содержанию. Некоторые из списков включают в себя дополнения позднейших периодов. В этой связи в литературе высказываются сомнения в подлинности указанного устава. Однако С.В. Юшков полагал, что нет оснований подозревать подложность Устава Владимира. Хотя тот документ, который мы называем Уставом князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, скорее всего не был издан названным князем, он, вероятно, был составлен из ряда подлинных актов князя Владимира¹.

Устав князя Ярослава о церковных судах довольно подробно регламентирует вопросы брачно-семейного права, предусматривая конкретные меры ответственности за совершение преступлений против семьи, нравственности, чести. В частности, в указанном уставе определяются основания и порядок расторжения брака, наказание за самовольное расторжение брака, за похищение девушки, за изнасилование женщины, за внебрачные связи, за кражу в семье и т.д.

Кроме названных общерусских уставов, известно также несколько местных уставов: Устав Мстислава Великого 1128 года, два устава Всеволода Мсти-

---

¹Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1. С. 101.

славича, устав Ростислава Смоленского и устав Святослава Новгородского 1137 года, определяющих положение отдельных монастырей и церквей.

Русская Правда. Основным источником Древнерусского феодального права считается свод правовых обычаев и княжеских установлений, называемый Русской Правдой.

Нам известно около ста списков (т.е. рукописных копий) Русской Правды, отличающихся друг от друга. Все эти списки исследователи делят на редакции. Редакция Русской Правды представляет собой историческую версию указанного акта, появившуюся благодаря изменениям, внесенным в первоначальный документ законодателем, и компоновке текста последующими переписчиками.

В исторической и историко-правовой литературе существуют различные подходы к выделению редакций Русской Правды. Так, дерптский профессор Э.С. Тобин в XIX в. выделял две редакции Русской Правды – Краткую и Пространную.

Н.В. Калачев предлагал различать три редакции Русской Правды – Краткую, Пространную и Сокращенную из Пространной.

В.И. Сергеевич дифференцировал Русскую Правду на четыре редакции – Правду Ярослава, Правду Ярославичей, Пространную и Сокращенную из Пространной.

С.В. Юшков, посвятивший специальную монографию исследованию Русской Правды¹, первоначально полагал необходимым выделять пять редакций Русской Правды – I редакцию образовали списки Краткой редакции; во II редакцию вошли три извода (группы текста) (Троицкий, Синодальный и Пушкинский) Пространной Правды. К III редакции отнесены списки так называемой Карамзинской редакции (содержащие расчет приплода скота). IV редакцию составили списки Русской Правды, соединенные с Законом Судным людям или Судебником царя Константина, а V редакцию – списки Сокращенной Правды.

---

¹ Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. - М.: Зерцало-М, 2002. – 400с.

Позднее он предложил выделить Пушкинский и Троицкий IV списки, входившие во II редакцию, в самостоятельную – шестую – редакцию.

В настоящее время в учебных целях используется деление Русской Правды на три редакции – Краткую, Пространную и Сокращенную.

Дискуссионным в науке является вопрос о юридической природе Русской Правды. Ряд авторов (Н.В. Калачов, М.Ф. Владимирский-Буданов) считают ее частным сборником обычного права, княжеских уставов и норм византийского права.

Большинство же авторов сходится на том, что Русская Правда – это официальный правовой акт – результат правотворческой деятельности князей. Как отмечал в этой связи Н.И. Ланге, если признать частный характер Русской Правды, то непонятно, почему наши летописи не сохранили ни одного из подлинных документов, а записывали только частные Правды¹.

Краткая Правда – это наиболее ранняя по времени составления редакция Русской Правды, многие нормы которой восходят к обычаям родового строя. Текст Краткой Правды был найден В.Н. Татищевым в 1738 году и опубликован А. Шлецером.

В структуре Краткой Правды принято различать четыре части, отличающиеся периодом возникновения и социально-юридическим содержанием: Правда Ярослава (Древнейшая Правда) с 1 по 18 статью, Правда Ярославичей с 19 по 41 статью, Покон вирный – статья 42 и Урок мостникам – статья 43.

Вопрос о времени появления Древнейшей Правды не получил в науке единообразного решения. Современные исследователи, вслед за С.В. Юшковым, ее создание связывают с правлением Ярослава (т.е. 30-е гг. XI века), подчеркивая при этом ряд норм, входящие в ее состав значительно старше (IX, X век).

Очевидно, что в Правде Ярослава получили выражение общественные отношения еще предфеодалного периода. В первой статье, к примеру, содер-

---

¹Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. - СПб., 1860 (тип. II Отд. С.Е. И. В. Канцелярии). – С. 25.

жится указание на право кровной мести, свидетельствующее о неизжитых еще обычаях догосударственного строя. Нормы, регламентирующие уголовную ответственность, не подчеркивают социальную принадлежность виновного или потерпевшего¹.

Правда Ярославичей, принятая, вероятно, князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом после подавления восстаний 1068-1071 гг., отражает эпоху развитого феодального строя в Древнерусском государстве. В ее нормах регулируется охрана феодальной собственности, определяется правовое положение феодально-зависимого населения (закупов), дифференцируется уголовная ответственность в зависимости от личности потерпевшего, т.е. проводится главный принцип феодального права-привилегии.

Что касается Покона вирного и Урока мостникам, то их относят ко времени создания Древнейшей Правды, т.е. к 30-м гг. XI века. Как предполагает С.В. Юшков, Покон вирный вместе с Уроком мостником замыкал Правду Ярослава, и лишь затем, при составлении Краткой Правды, был отделен от нее и отодвинут на конец².

Пространная Правда представляет собой более позднюю и проработанную редакцию Русской Правды, качественно отличающуюся от Краткой Правды. Текст Пространной Правды был опубликован в 1788 году В.В. Крестининым. Создание Пространной Правды относят ко времени правления Владимира Мономаха, т.е. к первой четверти XII века.

С.В. Юшков выделял в Пространной Правде две части – Суд Ярослава, созданный на основе соответствующих норм Краткой Правды, и Устав Владимира Мономаха. При этом Суд Ярослава, кроме норм Краткой Правды, содержал дополнительный материал, взятый, вероятно, из постановлений князей, судебной практики или дополненный при самом его составлении³.

---

¹ Земцов Б.Н. Общественный строй Киевской Руси XI-XII вв. / История государства и права. – 2004. - №5. – С. 46.

² Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. С. 310.

³ Там же. С.

Сокращенная Правда считается наиболее поздней редакцией Русской Правды, переработанной и модернизированной в соответствии с новыми общественными условиями из Пространной Правды. Она была издана в 1846 году Н.В. Калачовым. Время ее создания точно в науке не определено. Ряд авторов относит ее появление к XVII веку (Н.А. Максимейко). С.В. Юшков полагает, что Сокращенная Правда возникла в XV веке до принятия Судебника 1497 г.

Следует подчеркнуть, что в Русском централизованном государстве уже в XV веке был создан крупный нормативно-правовой акт – Судебник 1497 года. Поэтому вряд была необходимость сохранять до XVI или XVII века и использовать архаичную Русскую Правду. Поэтому можно согласиться с С.В. Юшковым в том, что потребность в Русской Правде могла возникнуть только в период, когда московское право только стало утверждаться, т.е. в XV веке.

Византийское право. С утверждением на Руси православного христианства и с появлением церковных судов, в Древнерусском государстве стало применяться византийское право.

Русская церковь, до 1597 года непосредственно подчиняясь константинопольскому патриарху, использовала в качестве источников канонического права так называемые номоканоны, именовавшиеся на Руси Кормчими книгами. Номоканоны представляли собой сборники церковных правил (канонов), дополненных светскими постановлениями о церкви (nomos). Наиболее известны два Номоканона – Номоканон Иоанна Схоластика VI в. и Номоканон патриарха Фотия VII в.

Нередко переводчики и переписчики Номоканонов включали в них своды светского византийского права. Так, на Руси некоторое распространение получили следующие византийские кодексы: Эклога Льва Исаврянина и Константина Комиронима (741 г.), Прохирон Василия Македонянина (около 870 г.) и Закон Судный людям. М

Заимствование византийского права не было прямым, византийские источники перерабатывалось и приспособлялось к русской действительности. Сфера проявления византийских норм главным образом ограничивалась главным образом семейным правом.

§2. Гражданское право.

Вещное право. Решение вопроса о формах собственности в Древнерусском государстве затрудняется крайне скудным нормативным материалом, находящимся в распоряжении исследователя. Кроме того, сложно определить характер того или иного вещного в Древнерусском государстве, оперируя понятиями современного гражданского права.

Однако трудно согласиться с С.В. Юшковым, полагающим, что в Киевской Руси отчетливо не дифференцировалось право владения и право собственности¹. Достаточно сказать о том, что вдова, не получая имущество в собственность по наследству, тем не менее имела право жить в доме и пользоваться вещами детей до вступления в новый брак.

Следует различать княжескую, боярскую, церковную феодальную собственность и личную собственность общинников на движимые вещи.

Киевский князь был крупнейшим собственником земли в Древнерусском государстве. Обладая обширным доменом, включавшим княжеские села, города, волости, князь часть земель жаловал своим вассалам – местным князьям и боярам, а также передавал церкви. Таким образом, рост княжеского домена обуславливал увеличение боярского и церковного землевладения. Источником боярского землевладения, кроме княжеских пожалований, нередко становился простой захват общинной земли. Вещные права боярства на принадлежавшие им земли первоначально не были абсолютными. Отношения вассалитета предполагают владение землей на условиях службы. Однако со временем бояре добились закрепления за ними права собственности на наделы, получившие название вотчины.

Что касается классификации вещей, то Русская Правда не использует особой терминологии при делении вещей на движимые и недвижимые. Среди движимых вещей, охраняемых Русской Правдой от посягательств, называются:

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 406.

конь, кобыла, вол, оружие, холоп, копье, щит, пес, ястреб, сокол, голубь, курица, утка, гусь, лебедь, сено, дрова, корова, баран, свинья и т.д.

Прямо или косвенно упоминаются и недвижимые вещи: двор, борть, гумно, дуб как межевой знак, обозначающий границу земельного участка.

Русская Правда знает два основных способа приобретения права собственности: договор и наследование.

Обязательственное право. Несколько норм Русской Правды направлено на регулирование обязательственных отношений. Можно предположить, что Русская Правда дифференцирует обязательства из договоров и из причинения вреда.

С.В. Юшков высказывал противоположную точку зрения, полагая, что система обязательств древнерусского права не предусматривала обязательства из причинения вреда. Своеобразное понятие уголовно наказуемого деяния – «обида» – охватывало не только преступления в собственном смысле слова, но деликатные обязательства. В качестве примера, подтверждающего свою мысль, указанный автор приводит статью 47, предусматривающую уголовную ответственность за длительное невозвращение долга¹.

Нам представляется, что установление уголовной ответственности за нарушение гражданско-правовых норм отнюдь не означает отсутствие обязательств из причинения вреда. Так, за убийство назначается не только вира в пользу князя (штраф) – уголовное наказание, но и уплата головничества, т.е. возмещение вреда семье убитого.

Система договоров по Русской Правде включала в себя куплю-продажу, займ, поклажу (хранение), личный найм, перевозку и комиссию. В Русской Правде не упоминается один из древнейших договоров – мена. Хотя, очевидно, что обмен товарами был в древнерусском обществе, отсутствие указанного договора в Русской Правде может быть объяснено его простотой и бесспорностью.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 423.

Упорядочивая куплю-продажу, Русская Правда заостряет внимание, вероятно, лишь на спорных моментах, возникающих при заключении соответствующего договора. Немногие статьи, посвященные этому договору, регламентируют случаи купли-продажи холопов (Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самым холопом)»; краденых вещей; краденых холопов; некачественных товаров (А кто конь купить княж, боярин, или купеч, или сирота, а будет в коне червь или проесть, а то поидеть к осподарю, у кого будет купил, а тому свое серебро взяти опять взад).

Следует заметить, что все случаи купли-продажи, упомянутые в Русской Правде, связаны только с движимыми вещами, договор купли-продажи недвижимых вещей в указанном акте не называется. С.В. Юшков в этой связи предположил, что были особые условия для заключения таких договоров¹.

Займ как один из наиболее социально острых договоров феодального общества получил достаточно подробную регламентацию в Русской Правде. В частности, устанавливается, что при заключении договора обязательно присутствие послухов (свидетелей). Исключение делается для купеческого займа: «Аже кто купец купцю дать в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуши ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнеть запирати», а также для займа на сумму, меньше трех гривен.

Ряд норм Устава Владимира Мономаха, входящего в Пространную Правду, регулируют взимание процентов по договору займа. Как указывается в литературе, необходимость в подобной регламентации была вызвана восстанием 1113 года, порожденным недовольством ростовщиками.

Русская Правда предусматривает два вида процентов по договору займа: месячные (если договор заключался на срок до одного месяца), их размер составлял, вероятно, 20 % (10 кун на гривну) и третные (если договор заключался на год или если должник опоздал с уплатой краткосрочного займа), их размер составлял 50%.

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 425.

Статья 53 Пространной редакции ограничивает взимание третних процентов: кредитор, дважды получивший с должника по 50% (т.е. 100% суммы долга), теряет право на дальнейшее взимание процентов.

Договору хранения посвящена лишь одна статья Русской Правды, закрепляющая право хранителя освободиться от ответственности за пропажу чужих вещей присягой: «Аже кто поклажаи кладець у кого любо, то ту послуха нетуть; но оже начнеть болшим клепати, тому ити роте, у кого то лежал товар: а толко еси у мене положил, зане же ему в бологодел и хоронил товар того». Кроме того, заключение договора хранения не требовало присутствия послухов.

Простота регулирования вполне может объясняться неразвитостью профессионального хранения в Древнерусском государстве.

Договоры личного найма, перевозки и комиссии не регулируются Русской Правдой, а лишь подразумеваются. Так, о договоре личного найма, вероятно, речь идет в статье 110 Пространной редакции, предусматривающей полное холопство для человека, поступившего в ключники и тиуны «без ряду», т.е. без заключения договора.

Договор перевозки или комиссии может быть обнаружен в статьях 54 и 55 Пространной редакции: «Аже который купець, кде любо шед с чюжими куннами, истопиться, любо рать возметь, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платить, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то тако любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля». «Аже кто многим должен будеть, а пришед (гость) из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить на нь товар, а опять начнет не дати гост(ю) кун, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины кунны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи кунны, то княжи кунны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому».

Статьи посвящены несостоятельности купца и ее последствиям. Исходя из содержания рассматриваемых статей, видно, что несостоятельности предшествует заключение договоров в отношении товара: «Аже кто многим должен будет, а пришед (гость) из иного города или чюжеземень, а не ведая запустить на нь товар» или «аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить». Скорее всего, чужой товар мог быть взят на реализацию или для перевозки.

Названные статьи предусматривают, что последствия банкротства зависят от его причин: если несостоятельность наступила в результате несчастного случая, должнику предоставлялась рассрочка платежа; в случае неосторожного банкротства, судьба должника определялась кредиторами, которые могли продать купца в холопы либо дать ему время для погашения долга. Наконец, умышленное банкротство влекло за собой продажу должника в холопы с целью погасить его долг из вырученной суммы.

Договоры, упомянутые в Русской Правде, заключались в устной форме. В некоторых случаях требовалось присутствие послухов. Письменная форма договора могла быть установлена только для договора купли-продажи недвижимого имущества, о чем косвенно свидетельствует найденная купчая на землю Антония Римлянина (около 1147 года).

Наследственное право. Русская Правда посвящает целый ряд статей вопросам наследования. Так, достаточно отчетливо различается наследование по закону и наследование по завещанию (по «ряду»).

Завещательный порядок наследования предусматривается в статье 92 Пространной редакции: «Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти; паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души».

Указанная статья вызвала в науке дискуссию: были ли наследниками по завещанию только дети (т.е. наследники по закону) либо наследодатель мог оставить имущество кому-либо другому? Сторонником первой точки зрения являлся, в частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, отмечавший, что содержание

этого ряда не есть назначение наследника, а лишь распределение имущества между законными наследниками¹.

Второй позиции придерживался С.В. Юшков, полагавший, что данная статья отнюдь не свидетельствует об обязанности отца разделить свое имущество только между детьми и непременно между всеми детьми².

Очевидно, что дать точный ответ на этот вопрос трудно. Между тем церковные уставы Владимира и Всеволода, указывающие на наследственные споры детей и братьев, сестер и детей, а также ряд обнаруженных завещаний позволяют предположить, что круг наследников по завещанию мог быть шире наследников по закону.

Кроме приведенной статьи о наследовании по завещанию говорит и 95 статья Пространной редакции, предоставляющая матери право оставить имущество тому из детей (сыну или дочери), кто будет о ней заботиться.

Форма завещания, скорее всего, могла быть устной. По крайней мере письменные акты в Русской Правде не упоминаются. Устное завещание составлялось, вероятно, при свидетелях.

Наследование по закону регулировалось статьями 90, 91, 93 и 95 Пространной редакции. Согласно указанным статьям, после смерда наследниками по закону считались его сыновья. В случае отсутствия у смерда сыновей, его имущество считалось выморочным и переходило князю. Такой порядок С.В.Юшков объясняет тем, что смерды были зависимыми от князя людьми, и их имущество принадлежало ему. Незамужние дочери смерда получали часть наследства на содержание и, вероятно, свадебное приданое. Иной порядок наследования по закону был характерен для бояр и дружинников. Их имущество при отсутствии сыновей могло переходить и дочерям.

При этом при разделе наследственной массы между наследниками, двор должен был перейти младшему сыну. Такое правило, очевидно, преследовало

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 486.

² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 459.

цель защиты младшего, т.е. более слабого и не имевшего собственного хозяйства члена семьи.

Русская Правда не называет в числе наследников по закону родственников по боковой и восходящей линии.

Супруга умершего наследницей по закону не считалась. После смерти мужа она получала выдел из его имущества на содержание (в случае, если оставалась вдовой), а также ей переходили подаренные мужем вещи. Кроме того, вдова оставалась управляющей тем имуществом, которое получали по наследству ее дети.

Анализ норм Русской правд дает основание говорить о том, что к наследникам переходили не только права на имущество, но и обязанности наследодателя. Так, статья 105 предусматривала, что если второй муж растратит наследство своих пасынков (детей его жены от первого мужа), то его сын – наследник обязан возместить им потерю.

§3. Уголовное право.

Понятие, состав и виды преступлений. Понятие преступления как виновно совершенного общественно-опасного деяния, запрещенного уголовным законом, является центральным в уголовном праве любого государства. В Киевском государстве сложился своеобразный, отличный от современного, подход к трактовке этого понятия.

Во-первых, древнерусское уголовное право не знало термина «преступление». Для обозначения противоправных деяний Русская Правда, как общее правило, использует слово «обида». К примеру, статья 4 Краткой редакции устанавливает: «Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятю, то 12 гривне за обиду».

Во-вторых, специфично содержание древнерусского понятия «обида». Обида как преступление представляла собой причинение физического, морального или имущественного вреда частному лицу. Иными словами, в древнерусском праве отражен частноправовой подход к трактовке преступления.

А.Н.Федорова в этой связи отмечает, что обида в средневековом сознании есть в первую очередь нарушение частного интереса и только затем – нарушение правового установления¹.

Вместе с тем не следует абсолютизировать частноправовое начало обиды, полностью устраняя государственный интерес из уголовного права. Как верно замечает М.Ф. Владимирский-Буданов, тот факт, что преступления, наказываемые Русской Правдой, ограничиваются частными преступлениями, т.е. направленными против личных и имущественных прав частных лиц, отнюдь не означает, что оценка преступных деяний совершается только с точки зрения интересов лиц потерпевших. Напротив, штраф за «обиду» платится не в пользу потерпевшего, а в пользу государственной власти: так, за укрывательство беглого раба, виновный, кроме возвращения раба его господину, платит 3 гривны продажи в пользу князя².

Состав преступления представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление. В современном уголовном праве в составе преступления выделяются четыре элемента: субъект преступления, объект преступления, субъективная сторона преступления и объективная сторона преступления.

Хотя с методологической точки зрения использование современных юридических конструкций при анализе норм древнерусского права не всегда приводит к точным научным результатам, применение их для удобства систематизации материала в учебных целях вполне допустимо. В этой связи дальнейшее рассмотрение норм древнерусского уголовного права подчинено схеме: субъект преступления, объект преступления, субъективная сторона преступления и объективная сторона преступления.

Субъектом преступления является лицо, совершившее преступное деяние и способное нести за него уголовную ответственность. Субъект преступления в

---

¹ Федорова А.Н. Понятие правонарушения по Русской Правде // Вектор науки ТГУ. – 2009. - №5 (8). – С.122.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 321.

современном уголовном праве характеризуется такими законодательно установленными признаками, как: вменяемость и достижение установленного уголовным законом возраста.

Субъектом преступления в Древнерусском государстве мог быть только свободный человек, холоп субъектом преступления не считался и не подлежал уголовной ответственности. За совершенную холопом кражу отвечал его господин: «Аже будутъ холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истыцю за обиду». Эта норма не говорит о безнаказанности холопов. Холоп, не обладавший правосубъектностью, нес иную – неюридическую – ответственность. Так, допускалась физическая внеправовая расправа с холопом, ударившим сводного человека: «А се аже ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затем аче и кде налезеть ударенни ть своего истыця, кто его ударил, то Ярослав был установил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором».

Возраст и вменяемость как признаки субъекта преступления в Русской Правде не упоминаются. Однако, как подчеркивали дореволюционные исследователи, хотя в древности дети несли ответственность наравне со взрослыми, мало по малу осознается та мысль, что нельзя ставить на одну планку с точки зрения ответственности за свои поступки малолетнего ребенка и взрослого человека. Тогда устанавливается возраст ответственности, как правило, семилетний. Дети старше семи лет несли наказание наравне со взрослыми. Первое упоминание возраста встречается в Судебнике Казимира: малолетство считается здесь до 7 лет (статья 1).

Русская Правда, кроме случаев совершения преступления одним лицом, знает уже институт соучастия. Так, статьи 40-43 Пространной редакции предусматривают ответственность за совместное совершение кражи несколькими лицами: «Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то (о)же будетъ один, то плати-

ти ему 3 гривны и 30 кун; будет ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит(и) ». «Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будет ли их много, то всем по 60 кун». « Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будет крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун».

Как усматривается из этих статей, Русская Правда не различала еще роли соучастников (исполнитель, подстрекатель, пособник, организатор) и не учитывала характер и степень их участия в совершении преступления: все виновные несли одинаковую ответственность.

Следует обратить внимание на то, что, как полагает А.Н. Федорова, субъектами преступления по Русской Правде могли быть только мужчины, поскольку все преступления, совершенные женщинами, были отнесены к церковной юрисдикции¹.

Объектом преступления являются блага, на которое посягает лицо, совершающее преступление, и чему причиняется или может быть причинен вред. Русская Правда защищает два вида объектов – личность (ее жизнь, честь, здоровье) и имущество (движимые и недвижимые вещи).

В церковных уставах (в частности, Уставе Владимира и Ярослава) упоминаются и иные объекты преступлений: к примеру, половая неприкосновенность, религиозные чувства, церковные устои.

Субъективная сторона преступления как внутренние психические переживания субъекта преступления представлена главным образом виной. Вина как признак состава преступления отчетливо называется и Русской Правдой. Так, Русская Правда различает убийство в сваде (драке) или на пиру и убийство в разбое: «Но оже будеть убил или в сваде, или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирою». «Будеть ли стал на разбой без всякая свады, то за разбойника люди не платять, но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление». Как полагают некоторые исследо-

---

¹ Федорова А. Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде: автореферат дисс. канд. юрид. наук.- Казань, 2005. – С.8.

ватели, дифференциация ответственности за указанные преступления связана с разными формами вины – умыслом и неосторожностью. Убийство в разбое совершено умышленно, а на пиру – по неосторожности¹.

Ряд авторов полагает, что Русская Правда в данном случае говорит не об умысле и неосторожности, а о двух видах умысла – прямом и косвенном², дифференцирующим признаком которых является отношение к возможным последствиям преступления. При прямом умысле лицо желает наступления последствий преступления, тогда как при косвенном умысле оно не желает наступления этих последствий, но допускает их или относится к ним безразлично.

Объективная сторона преступления - это внешнее проявление преступного поведения. С точки зрения своей объективной стороны преступления могут выражаться в действии и бездействии. Большинство преступлений, упомянутых в Русской Правде, представляют собой активные действия и лишь немногие проявляются в виде бездействия (например, неуплата долга).

Вопрос о том, различала ли Русская правда стадии совершения преступления, является дискуссионным в науке. Отдельными авторами высказывается точка зрения, согласно которой Русская Правда выделяет покушение как стадию развития преступного деяния. В обоснование своей позиции они приводят статью 38 Краткой редакции: «Аще убьют татя на своем дворе, либо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьют, а люди будут видели связан, то платити в немь». А.Н. Федорова считает, что в данном случае вор, схваченный на месте преступления и не успевший совершить кражу, именно покушался на преступление³.

Еще один пример, будто бы дающий основание предполагать покушение на преступление, содержится в статье 9 Краткой редакции, устанавливающей

---

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права, Федорова А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде. С.8.

² История отечественного государства и права: учебник. В 2 ч. Ч.1/ под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрайт, 2013. – С.70.

³ Федорова А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде. С.9.

ответственность за извлечение меча из ножен: «Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьи гривну положить».

На наш взгляд, правы те авторы, которые утверждают, что в данном случае установлена ответственность не за покушение на некое преступление (например, удар мечом), а за самостоятельное преступление – оскорбление действием. Так, В.И. Сергеевич по этому поводу писал, что «человек может обнажить меч без желания ранить или убить, а единственно с желанием устрасить, прогнать. Приведенную статью можно, поэтому, рассматривать не как покушение на неизвестное преступление, а как совершенно самостоятельную обиду, состоящую в угрозе»¹. Такой взгляд подтверждается еще и тем, что все последующие правовые акты вплоть до Соборного Уложения не знали стадийности преступного деяния.

Русской Правде известен институт необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Так, в статье 40 Пространной редакции указывается: «Аже убюють кого у клети или у которое татбы, то убюють во пса место; аже ли и додержать света, то вести на княжь двор; оже ли убюють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в томь 12 гривен». Таким образом, условиями необходимой обороны были, во-первых, внезапность нападения (о чем свидетельствует вероятное время нападения – ночь) и наличность нападения, т.е. нападение не должно потерять своей опасности (нападавший не должен быть связан и удержан до утра).

Исходя из понимания преступления как обиды, можно заключить. Что Русская Правда различает два вида преступлений: против личности и против имущества. К первым относились убийство, оскорбление действием, причинение вреда здоровью. Ко вторым – разбой, кража (татьба), незаконное пользование чужим имуществом.

В Русской Правде совершенно не упоминаются преступления против половой свободы и нравственности, против религии и против государства. Пер-

---

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С.347.

вые из названных видов преступлений были подсудны не светским, а церковным судам, поэтому их регламентации посвящены специальные церковные Уставы (Устав Владимира и Устав Ярослава).

Что касается преступлений против государства, то, как отмечает С.В.Юшков, в рассматриваемый период еще не сформировалось абстрактного представления о государстве и преступлениях против него¹.

Имевшие место посягательства на княжескую власть, вероятно, рассматривались не как преступления, а как политическая борьба и влекли внеправовую расправу с провинившимися.

Система и цели наказаний. Система наказаний, предусмотренных Русской Правдой включала в себя следующие виды:

Во-первых, кровная месть. Кровная месть представляет собой возмездие за обиду, осуществленное руками потерпевшего или (как в Русской Правде) его родичами. Право мести за убийство было закреплено в статье 1 Древнейшей Правды (Правды Ярослава). Указанная норма, отражая древний обычай восточных славян, тем не менее является новеллой для древнерусского права. Русская Правда, вероятно, значительно ограничивала кровную месть, в сравнении с положениями обычного права. Так, в статье 1 исчерпывающим образом перечисляются родственники, имевшие право на месть (отец, сын, братья, племянники). Кроме того, месть становится альтернативной мерой наказания, т.е. в случае отсутствия названных родственников или их отказа от мести, месть заменялась вирой в 40 гривен.

В литературе сохраняется дискуссия по вопросу о правовой природе кровной мести. Так, ряд авторов (в частности, И.Ф. Эверс) полагают, что кровная месть являлась досудебной расправой, непосредственной реакцией на обиду. Большинство же исследователей (в частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, С.В. Юшков) сходятся во мнении о послесудебном характере мести. Как пишет в этой связи М.Ф. Владимирский-Буданов: «Месь соединяется с су-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 509.

дом, т.е. требует или последующей за мезтью санкции суда (как обыкновенно и бывало), или предварительного решения суда»¹.

Во-вторых, штраф. Денежное взыскание является наиболее распространенной мерой наказания, предусмотренной Русской Правдой. Русская Правда знает ряд различных штрафов.

Прежде всего, это вира, взыскиваемая в казну за убийство и увечье свободного человека. Обычный размер виры – 40 гривен. За убийство женщины или увечье устанавливалось полувиры – 20 гривен, за убийство княжеских агентов – 80 гривен.

Поскольку вира была весьма высоким штрафом (по подсчету Лешкова 80 гривен приравнивались по стоимости 23 кобылицам или 40 коровам или 400 баранам), заплатить ее мог только состоятельный человек. Рядовой общинник, будучи не в состоянии выплатить такую виру, превращался в холопа. Для недопущения подобных последствий предусматривался институт так называемой дикой виры, т.е. обязанность верви заплатить штраф. Однако тому, кто сам не вкладывался в дикую виру, вервь не обязана была помогать.

Следующий вид штрафа – продажа, взыскиваемая в пользу князя. Ее размер был постоянным и составлял 12 гривен (за вырывание бороды и усов, утрату зуба, нанесение удара необнаженным мечом, палкой, чашей, рогом, рукой, кулаком, за кражу бобра т.д.) или 3 гривны (за отсечение пальца, побои до крови и синяков, нанесение раны мечом, удар дубиной и жердью, за незаконное пользование чужим конем и т.д.).

Русская Правда устанавливает также особый вид штрафа за убийство смердов и княжеских холопов - в размере от 5 до 12 гривен.

Кроме штрафов, уплачиваемых в казну, Русская Правда предусматривала два вида вознаграждений в пользу потерпевшего: урок и головничество, т.е. возмещение причиненного вреда, причиненного убийством родственникам убитого. Размер головничества в Русской Правде не определен.

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 334.

В-третьих, поток и разграбление. Поток и разграбление было наиболее суровым наказанием по Русской Правде, налагавшимся за такие тяжкие преступления, как убийство в разбое, конокрадство, поджог двора или гумна.

Сущность потока и разграбления не ясна и вызывает дискуссии в науке. Ряд исследователей полагают, что поток и разграбление представляет собой физическое уничтожение преступника и прямое растаскивание его имущества. Другие определяют поток и разграбление как изгнание преступника из общины (что подчас обрекало его на гибель) и конфискацию его имущества. С.В. Юшков отмечал, что содержание потока и разграбления с течением времени менялось. Если первоначально оно действительно могло быть изгнанием и конфискацией имущества преступника и членов его семьи, то со временем трансформировалось в конфискацию имущества и обращение преступника с семьей в холопство¹.

Смертная казнь, телесные наказания и тюремное заключение в Русской Правде не упоминаются. Однако, как указывается в литературе, смертная казнь применялась князьями при расправе с политическими соперниками, неугодными вассалами, участниками восстаний. В данном случае она являлась не наказанием, а внесудебной расправой. Что касается телесных наказаний и тюремного заключения, то к подобного рода наказаниям прибегала церковь.

Исходя из системы наказаний, можно определить цели наказания. Универсальной целью, вероятно, можно считать возмездие. Кроме того, немаловажное значение имели цели материального удовлетворения потерпевшего и пополнения княжеской казны. В подтверждение этого взгляда можно привести данные С.В. Юшкова, утверждающего, что кратковременная замена Владимиром виры смертной казнью привела к резкому снижению княжеских доходов, побудив снова вернуться к штрафам.

§4. Суд и процесс. Судопроизводство в Древнерусском государстве носило состязательный характер. Состязательность в данном случае означала рав-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 491.

ное процессуальное положение сторон, каждой из которых принадлежало право сбора доказательств и отстаивания истины по делу. Обе стороны назвались истцами. Одинаковое наименование сторон подчеркивало отсутствие процессуальных преимуществ у одной из них.

Судебные функции не были отделены от административных функций, поэтому правосудие осуществляли центральные и местные органы власти и управления: князь, посадники, волостели, в исключительных случаях – вече.

О судебных полномочиях князя говорится в нескольких статьях Русской Правды. Так, статья 40 Пространной редакции говорит о необходимости привести пойманного вора на княжий двор для суда: «Аже убьють кого у клети или у которое татбы, то убьють во пса место; аже ли и додержать света, то вести на княжь двор; оже ли убьють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в томь 12 гривен».

Статья 56 Пространной редакции позволяет закупу отлучаться со двора господина для подачи жалобы князю: «Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искат(и) кун, а явлено ходитъ, или ко князю, или к судиям бежить обиды дея своего господина, то про то не работять его, но дати ему правду».

Судебные функции осуществлялись как киевским князем, так и местными князьями.

В городах функции суда принадлежали посадникам, а в волостях – волостелям.

Кроме лица, непосредственно осуществлявшего правосудие, в судопроизводстве был задействован и вспомогательный судебный аппарат – мечники, детские, отроки, вирники, тиуны, ябедники и прочие.

Помимо светских судов, в Древнерусском государстве существовал церковный суд, в который входили епископы, архиепископы и митрополит. Судопроизводство в церковном суде регулировалась особыми правилами и было построено на принципах инквизиционного процесса.

Процесс начинался с вызова виновной стороны в суд. Хотя Русская Правда не содержит каких-либо сведений об этой процедуре, исследователи предполагают, что помощь в вызове частному лицу оказывали органы власти.

Как предполагает С.В. Юшков, эти действия производились мечниками, рядовичами, отроками. Можно допустить некоторую заинтересованность этих лиц в скором задержании и приводе виновного, поскольку их доходы обеспечивались за счет судебных пошлин.

Судопроизводству в собственном смысле слова предшествовали три допроцессуальных действия, направленных на обнаружение виновного и сбор доказательств его вины. Это закличь, свод и гонение следа.

Закличь представлял собой объявление на торговой площади о пропаже вещи, характеризующейся индивидуальными признаками (коня, оружия, одежды) или холопа: «А челядин скрытеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и (в) третий день, то свой челядин поняты, а оному платити 3 гривны продажи». «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповесьть на торгу, а после познаеть в своем городе, свое ему лицом взяти, а за обиду платити ему 3 гривны».

Вещи, определенные только родовыми признаками (весом, числом, мерой), разыскивать таким образом было невозможно. Предполагалась, что объявление должно стать известно в городе или общине, где оно сделано, в течение трех дней. Поэтому, если через три дня вещь обнаруживалась у кого-либо, последний считался виновным и обязан был не только вернуть вещь, но и заплатить продажу.

Если же закличь не был еще произведен, либо если собственник нашел вещь у другого лица до истечения установленных трех дней после заклича, либо, если он нашел ее не в своем городе (или общине), то начинается свод.

Человек, у которого найдена вещь, не признается виновным сразу, поскольку он мог законным способом приобрести ее у третьего лица. Поэтому обнаруженная вещь остается у ее фактического владельца, обязанного вместе с

первоначальным собственником найти того, у кого он ее приобрел. Если это третье лицо ссылается также на законный способ приобретения вещи, то свод продолжается дальше.

Если свод не выходил за пределы одного населенного пункта, то собственник шел до тех пор, пока не отыскивал похитителя, но если круг заинтересованных лиц переходил за границы населенного пункта, то истец шел только до третьего лица, который должен был выплатить истцу стоимость вещи и мог сам продолжать свод. Исключение из этого правила составляли иски о холопе: свод шел до третьего лица в любом случае, даже в пределах одного населенного пункта. При этом в своде господин холопа мог и не участвовать: холоп сам указывал, какими путями он переходил от одного владельца к другому. Третий приобретатель холопа должен был вернуть украденного холопа и мог вести свод дальше.

Свод мог заканчиваться трояким образом. Во-первых, если последний владелец не доказывал, что приобрел вещь законным способом, то он признавался вором и должен был заплатить штраф, а также возместить ущерб тем, кому он продал краденую вещь. Во-вторых, если последний мог доказать законный способ приобретения вещи, но не знал человека, у которого он ее купил. В-третьих, если свод приводил к границам государства. Во втором и третьем случае последний владелец должен был доказать, что он купил вещь, а не украл ее, указав на двух свидетелей заключение договора. Присяга свидетелей могла быть заменена присягою одного мытника, т.е. должностного лица, сбиравшего торговые пошлины. В любом случае последний владелец лишался и вещи, и своих денег, сохраняя право иска в отношении лица, продавшего ему вещь. Обнаружение указанного лица вновь начинало свод¹.

Еще одно допроцессуальное действие – гонение следа – представляло собой поиск преступника по оставленным им следам. Считалось, что преступник находится там, где теряются его следы. Поэтому община, на территории кото-

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С.639, 640.

рой были обнаружены следы преступника, обязана была его разыскать и выдать или заплатить штраф. Если следы приводили к большой дороге, т.е. территории, не занятой никакой общиной, поиски прекращались: «Не будет ли татя, то по следу женуть аже не будет следа ли к селу или к товару, а не отсочять от себе следа, ни едутъ на след или отбъться, то тем платити татбу и продажу; а след гнати с чюжими людми а с послухи; аже погубять след на гостиньце на велице, а села не будетъ, или на пуге, где же не будетъ ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы».

В качестве доказательств могли использоваться:

Во-первых, свидетельские показания. Русская Правда различает две категории свидетелей: видоки и послухи. Если видоки считаются независимыми очевидцами событий, то роль послухов в процессе сложнее. В некоторых случаях они выступают так называемыми свидетелями доброй славы, т.е. людьми, дающими характеристику добропорядочности и честности стороны в процессе. В ряде случаев послухи играют роль понятых, свидетелей при совершении сделок.

Во-вторых, суды божьи (ордалии). Русская Правда знает два вида ордалий: испытание водой и железом, применявшихся в случае отсутствия свидетелей или наличия только свидетелей-холопов либо при противоречии свидетельских показаний другим доказательствам. Испытание железом назначалось при более сложных спорах, нежели испытание водой. В чем заключались указные виды ордалий установить трудно, Русская Правда этот вопрос не регламентирует.

В-третьих, присяга. Присяга после принятия на Руси христианства выражалась в клятве и сопровождалась целованием креста. С.В. Юшков выделяет два вида присяг в Русской Правде: очистительные, приносимые виновными для освобождения себя от ответственности и дополнительные, приносимые истцами при отсутствии иных доказательств¹.

В-четвертых, внешние признаки. Внешние признаки в виде синяков, ссадин и кровоподтеков как доказательства побоев упоминаются в статье 29 Про-

---

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 521.

страной редакции: «Аже придет кровав муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будет на нем знамения, то привести ему видок слово противу слова; а кто будет почал, тому плати(ти) 60 кун; аче же и кровав придет, или будет сам почал, а вылезуть послуши, то то ему за платежь, оже и били».

В-пятых, жребий. Жребий использовался в качестве доказательства, если стороны отказывались от присяги (вероятно, в силу разноговерия).

В Русской Правде не называются такие виды доказательств, как собственное признание и судебный поединок, известные более поздним правовым актам (например, Псковской Судной Грамоте и Судебникам). Если сомнений в использовании собственного признания в качестве доказательства в Древнерусском государстве практически нет, то вопрос о существовании судебного поединка является дискуссионным. Вероятно, следует согласиться с В.И. Сергеевичем в том, что судебный поединок как архаичный институт вряд ли является новеллой Псковской Судной Грамоты или Судебников, представляя собой порождение древнерусского права¹.

Судебное решение выносилось, вероятно, устно и гласно. Возможность обжалования решений в Русской Правде не закрепляется.

Подводя итог рассмотренным в настоящей главе вопросам, можно сказать следующее. Древнерусское феодальное право было типичным правом-привилегией, защищавшим в преимущественном порядке личность и имущество привилегированных слоев населения. Наиболее древним источником права в Киевской Руси был правовой обычай, сложившийся еще в родовом строе и признанный государством. По мере укрепления государственной власти растет объем княжеской правотворческой деятельности, результатом которой становятся многочисленные уставы. Древнерусское государство знало единый относительно систематизированный нормативно-правовой акт – Русскую Правду – сборник правовых обычаев и княжеских установлений. Русская Правда сохраняла свое значение и в период феодальной раздробленности, т.е. после распада Киевского государства.

---

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 579.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнерусское государство и право являются значительными вехами в истории государственности и правовой системы нашей страны. Поэтому их всестороннее исследование представляется важной задачей правовой науки.

Обобщая и давая итоговую оценку сформулированным в учебном пособии выводам, следует отметить следующее.

Древнерусское государство возникло закономерно-объективным путем в силу появления необходимых социально-экономических и политических предпосылок. Процесс формирования государственных институтов на Руси не может быть объяснен призыванием иноземных элементов, поскольку первые очаги государственности славян зародились задолго до образования Древнерусского государства. Этому предшествовал длительный период распада первобытнообщинного строя и зарождения классов. Формирование восточнославянского классового общества привело в свою очередь к возникновению Киевского государства.

Древнерусская государственность носила феодальный характер, отражавший специфику социальной структуры древнерусского общества, в недрах которого, с одной стороны, различными путями формировался привилегированный класс крупных землевладельцев (феодалов) – бояр, а с другой стороны, свободное население общин превращалось в феодально-зависимое.

Феодальный характер Древнерусского государства отчетливо проявился в организации и осуществлении государственной власти, которая принадлежала великому киевскому князю, опиравшемуся в своей деятельности на княжеский совет, феодальные съезды и вече.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Алексеев Ю.Г. Статьи о «вдачестве» (Опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов) / Ю.Г. Алексеев // Вспомогательные Исторические Дисциплины. – Л., 1978. – Т.9 . – С. 158-165.
- 2) Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев. – М., 1879 (типо-литография С.А.Петровского и Н.П.Панина). – 728 с.
- 3) Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т.1. – СПб., 1872 (Типография А.Траншеля).
- 4) Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – изд. 4-е с доп. – Киев, 1905(типография Высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнерева и Ко). – 694 с.
- 5) Градовский А.Д. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 1. / А.Д. Градовский. – СПб., 1899 (типография М. М. Стасюлевича). – 419 с.
- 6) Греков Б. Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.: Госполитиздат, 1953 . – 568с.
- 7) Греков Б.Д. Феодальные отношения в Киевском государстве / Б.Д. Греков. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 191 с.
- 8) Земцов Б.Н. Общественный строй Киевской Руси XI-XII вв. / Б.Н. Земцов // История государства и права. – 2004. – №5. – С. 44-47.
- 9) Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю / Д.И. Иловайский. – 1-е изд. – М., 1876 (Тип. Грачева и Ко). – 466 с.
- 10) История государства и права СССР: учебник. Ч.1 / отв. ред. К.А. Сафроненко. – М.: Юрид. лит., 1967. – 650 с.
- 11) История государства и права СССР: учебник. Ч.1/ под ред. Ю.П. Титова. – М.: Юрид. лит., 1988. – 544 с.
- 12) История отечественного государства и права: учебник / Л.Е. Лаптева, В.В.Медведев, М.Ю. Пахалов. – М.: Юрайт, 2011. – 634 с.
- 13) История отечественного государства и права: учебник. В 2 ч. Ч.1/ под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрайт, 2013. – 477 с.

- 14) Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т.2. – СПб., 1892 (Е.А.Евдокимов).
- 15) Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 1/ В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.
- 16) Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России / М.М Ковалевский. – СПб., [Б.г.] (типография Б.М. Вольфа). – 242 с.
- 17) Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в древней Руси / Н.И.Костомаров. – СПб., 1861. – 38 с.
- 18) Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды / Н.И.Ланге. – СПб., 1860 (тип. II Отд. С.Е. И.В. Канцелярии). – 290 с.
- 19) Мавродин В.В. Образование древнерусского государства / В.В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1945. – 432 с.
- 20) Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство / В.В.Мавродин. – М: Учпедгиз, 1956. – 264 с.
- 21) Малиновский И. Лекции по истории русского права / И. Малиновский. – Ростов-на-Дону, 1918 (изд-во кооперативного т-ва «Единение»). – 488 с.
- 22) Пашуто В. Т. О мнимой соборности Древней Руси / В.Т. Пашуто // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. – М., 1962. – С. 181-191.
- 23) Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4 книгах. Книга 1. Русская история с древнейших времен / М.Н. Покровский. – М.: Мысль, 1966.
- 24) Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий / А.Е. Пресняков. – СПб., 1909 (типография М.А.Александрова). – 316 с.
- 25) Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI-XIII вв / Б. А. Романов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1947. – 344 с.
- 26) Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1 Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
- 27) Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1971 . – 295с.

- 28) Самоквасов Д.Я. История русского права / Д.Я. Самоквасов. – М., 1899 (тов. тип. А. И. Мамонтова). – 167 с.
- 29) Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М.Б. Свердлов. – Л.: Наука, 1983. – 237 с.
- 30) Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян / В.В. Седов. – М.: Наука, 1979. – 156с.
- 31) Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. – СПб., 1910 (типография М. М.Стасюлевича). – 675с.
- 32) Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т.1. Территория и население / В.И. Сергеевич. – СПб., 1890 (типография Н.А.Лебедева). – 517 с.
- 33) Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т.2. Вече и князь / В.И.Сергеевич. – СПб., 1893 (типография М. М.Стасюлевича). – 336 с.
- 34) Тацит Корнелий. Сочинения. В 2 т. Т.1 / Корнелий Тацит. – Л.: Наука, 1970. – 443 с.
- 35) Теория государства и права: Учебник / под ред. В.К. Бабаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 591 с.
- 36) Тихомиров М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Госполитиздат, 1956. – 476 с.
- 37) Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве / П.П. Толочко // Исследования по истории славянских и балканских народов. – М., 1972. – С. 125-143.
- 38) Федорова А. Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде: автореферат дисс. канд. юрид. наук / А.Н. Федорова. – Казань, 2005. – 21 с.
- 39) Федорова А.Н. Понятие правонарушения по Русской Правде / А.Н. Федорова // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 5 (8). – С. 121-125.
- 40) Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Часть 1/ А.Н. Филиппов – изд. 4-е, изм. и доп. – Юрьев, 1912 (типография К. Маттисена). – 796 с.
- 41) Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов / И.Я. Фроянов // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 3-15.

- 42) Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории / И.Я. Фроянов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 256с.
- 43) Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси / Л.В. Черепнин // Исторические записки: Сб. – Т. 56. – М., 1956.
- 44) Юшков С.В. История государства и права СССР: учебник. Т.1 / С.В Юшков. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. – 766 с.
- 45) Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С.В. Юшков. – М.: Госюриздат, 1949. – 543 с.
- 46) Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков. – М.: Зерцало-М, 2002. – 400с.
-